

Цескорка

— То ли портфель мал, то ли учебников многовато?..

Фотоэтиюд Г. Сафонова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Год издания IX

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

№ 9

Сентябрь 1965 г.

Е Ж Е М Е С Я Ч Н И К

газеты «Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ. Хороший день для всех, кому от семи до семнадцати. Снова в школу. Разве уж самые заядлые второгодники вздохнут утром, отправляясь на первый урок. Ещё бы! Все в классе на голову меньше ростом. Незнакомые. Вот и усаживается второгодник на последнюю парту, на знаменитую «Камчатку», чтобы не заслонять собой доску и не бросаться учителю в глаза.

Но таких немного. У большинства настроение праздничное.

Посмотрите на серьёзных

первоклассников. Они открывают знакомую вам школьную дверь и ещё не знают, что это совсем не простая дверь. За ней находится страна чудес. Скажете: «Какие там чудеса!» Обыкновенные классы и коридоры. Но подождите, не смейтесь! Просто надо взглянуть на неё чуть-чуть по-другому. Ну, по-волшебному, что ли.

Вот пройдёт немного времени и наш первоклассник прочитает в букваре первое слово. Прочитает сам, без подсказки.

Вы опять скажете: «А чего

тут удивительного? Ну, научился человек грамоте. Что ж тут особенного?»

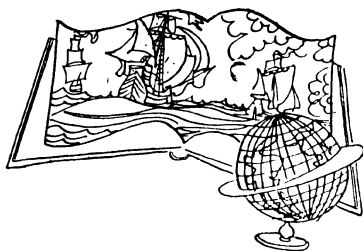
А один великий человек думал иначе. Было это, правда, уже давно.

По узкой, залитой лужами улице бежал вихрастый мальчишка, разбрызгивая во все стороны весеннюю грязь. Глаза у него сияли, как апрельское солнце. Мальчишка подпрыгивал от радости и громко читал вывески на лавках. Буквы прыгают у него перед глазами. Губы торопятся скорее-скорее прочитывать новое слово. «Бакалея» превращается в какую-то непонятную «балакею». Но от этого настроение у мальчишки ещё больше поднимается. И он повторяет про себя без конца: «Балакея, балакея!» Пусть прыгают перед глазами буквы! Всё равно он их одолел, разгадал и открыл удивительный мир новых слов.

Этот день великий писатель Алексей Максимович Горький считал самым главным в своей жизни. Ведь отсюда он начал открывать огромный мир. К нему пришли книги, знания, которые из маленького подмастерья сделали великого писателя Максима Горького.

Вот, оказывается, какое чудо ожидает первоклассника за обыкновенной школьной дверью.

Ну, а если мы пойдём

дальше и остановимся у дверей 5-х, 7-х, 8-х классов? Какие интересные путешествия по горам и морям предстоит сидя-

щему за партой. Сказочный мир химических формул. Непонятные дебри математики...

Вы думали когда-нибудь, сколько радости несёт человеку знание? А почему?

Потому что тот, кто знает, тот делается сильным. Говорят, что глаз орла видит дальше, а глаз человека видит больше. Потому что человек больше знает и больше замечает вокруг. И самое главное, человеку хочется знать всё больше и больше. Представь себе, что ты читаешь интересную книгу. Вдруг она обрывается где-то посередине. Ты, конечно, во что бы то ни стало постараешься узнать продолжение или придумать его. Так и в науке — каждое открытие толкает человека дальше и дальше. Учёный, который стремится познать природу, законы окружающего мира, — самый сильный и самый счастливый человек.

В одном из казематов Петропавловской крепости сидел узник. Он был приговорен к смертной казни за покушение на царя. Заключённый знал, что жить ему осталось недолго. Вы думаете, он оплакивал свою судьбу? Сидел и думал о смерти? Нет. У него для этого не было вре-

мени. Узник торопился, набрасывал чертёж на стене тюремной камеры. Ему обязательно надо было довести до конца расчёт, о котором он думал давно, ещё будучи на воле. И теперь, когда уже совсем близка разгадка и почти готов чертёж, ему надо успеть передать его людям. Успеть, пока не заскрипела дверь и не пришли тюремщики, чтобы повести его на казнь. Этим человеком был учёный и революционер Николай Кибальчич. Он, конечно, любил жизнь и не хотел умирать. Но ещё больше он хотел познать мир. И его вклад пригодился людям уже в XX веке, в веке космонавтики.

Вот, значит, какая великая сила скрыта в стремлении вырвать у природы очередную её тайну. Даже смерть отступает перед этой жаждой знания.

Те люди, которые много знают, не будут слоняться без дела, не зная, куда себя девать. Им никогда не будет скучно и тоскливо. У них всегда будет пропуск в

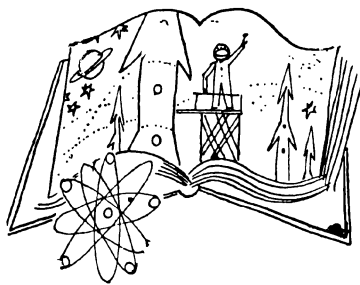
волшебный мир знаний.

Мы вспоминали, как читал вывески Алёша Пешков. А почитайтё-ка вывески вы. Хотя бы только на одной набережной реки Фонтанки. Знаете знаменитый Аничков мост с конными статуями у Дворца пионеров?

Сначала подойдите к большому серому дворцу на Фонтанке. Прочтите вывеску: «Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина». Почему не закрываются двери этого здания и всё идут и идут сюда люди? Что они здесь находят? Там книги. А рядом ещё библиотека. Имени Маяковского. И туда тоже идут и идут люди. Только в нашем городе сотни библиотек. Целой человеческой жизни не хватит, чтобы только поддерживать в руках все эти богатства. А они ведь ждут вас. Они хранят свои тайны. А золотые ключи в эту чудесную страну знаний хранятся за обыкновенной дверью, кото-

рую вы открываете каждый день, начиная с 1 сентября.

Это дверь вашей школы.

М Е Д О Г О Н

Зябким, росистым утром дядя Алексей впрягал в колхозную телегу рыжую лошадь Журку. Лошадь недовольно поводила ушами, жевала сухую травину и смотрела на Костю грустным фиолетовым глазом. У неё были длинные светлые ресницы и яркий треугольник белой шерсти на лбу.

— Что, не хочется ехать? — спросил Костя и погладил её нежный замшевый подбородок.

Журка мотнула головой, фыркнула и переступила ногами.

Дядя Алексей надел ей на шею тяжёлый кожаный хомут, взял из телеги дугу, поднял с земли конец оглобли и сказал:

— Смотри, Костя, как запрягать лошадь. Учись.

Он обернул вокруг оглобли толстый ремённый гуж и вставил в петлю конец дуги с вырезом.

— Понял? А теперь с другой стороны...

— Скоро лошадей нигде в мире не останется, — сказал Костя. — Будут автомобили и вертолёты.

Дядя Алексей через плечо посмотрел на Костю и усмехнулся:

— Ишь ты какой быстрый.

— Автомобили лучше, сильнее, — сказал Костя.

— Лучше-то, оно, может, и лучше... — Дядя Алексей упёрся ногой в клещи хомута и туго затянул супонь. — А ведь всё-таки машина — она не живая. Не может машина понимать и любить человека. Ласковой быть не может.

Он подправил седёлку, хлопал Журку по шее, разобрал вожжи и уселся на грядку телеги.

— Ну, Костик, поедем.

Костя по спицам большого колеса взобрался в телегу и устроился рядом с белыми железными бидонами, поставленными в сено, чтобы не бились друг о друга и не гремели.

Журка взяла с места неторопливой рысью. Дядя Алексей выправил телегу на полевою дорожку, опустил вожжи и закурил.

Покачивались, дребезжали, уходили назад избы деревни, конюшня и тёмные тополя, окружившие пруд.

Дорога лежала в серой влажной тени. Справа и слева плотно стояли высокие синезелёные хлеба. Иногда они придвигались так близко к телеге, что задевали колёса и хлестали по тележным бортам. Костя протянул руку и сорвал

длинный усатый колос. Зёрна в нём были молочные и мягкие, они ещё не до конца налились сладкими соками земли.

— Хорошо сидишь? — спросил дядя Алексей.

— Хорошо, — отозвался Костя.

Ещё никогда в жизни он не ездил вот так, в простой крестьянской телеге по утренней полевой дороге. Он знал светлые, почти больничной чистоты, салоны самолётов, на которых они с матерью летали в Сочи и в Симферополь. Знал упругость подушек в легковых автомобилях. Но всё там было по-другому. В самолётах был

чистый, прохладный воздух, а в автомобилях пахло разогретой резиной и папиросами. За окном самолёта медленно проходили горы облаков, тянулась бесконечная, быстро надоедавшая синева, и земля сверху казалась ярко раскрашенным макетом для какой-то большой игры. Из автомобиля тоже было видно немного. А здесь...

Солнце вышло из-за тёмного Синицкого леса и всё выше забирается на небо. Деревня уже пропала, опустилась за голубоватую стену хлебов. Впереди, в травяное море, клином врезалась рощица. Дорога

обегаёт её широкой петлёй и тоже тонет в пшеничных волнах.

— Дядя Алексей, а что это мятным пахнет?

— Хлеб. Это хлеб поспевает. Ты разве не знаешь, как пахнет пшеница?

Журка легко бежит между оглоблями, так легко, будто нет ни телеги, ни гулких бидонов, ни Кости, ни дяди Алексея. Ремённая сбруя с медными гранёными шишечками — для красоты — похлопывает по рыжим лошадиным бокам. Острый, чудесный запах летит в лицо от солнца, от широких полей, от потемневшей Журкиной шерсти. Такого запаха никогда не было в городе. Там, в тесных улицах, от размягчённого асфальта и автомобилей пахло керосином, на лестницах — кошками и пылью, а в кухнях и комнатах — едой. Эх, если бы можно было сегодня никуда не приезжать, а всё ехать и ехать без конца и смотреть то на небо, то на бегущую под телегой дорогу с двумя полосками травы, то на раздольные поля, которые вдали уже начали мерцать и струиться под солнцем.

— Дядь Алексей, долго ещё ехать?

— Теперь уж недалеко. Вот повернём за ту рощицу — и на месте.

«Та рощица» синим островом плыла над землёй. Потом придвинулась, выросла, выслала вперёд молоденький сторожевой дубок, и вот телега загрохотала по самому её краю. Деревья начали пере-

брасывать друг другу гулкое эхо, повеяло сыростью, вялым листом, смолой, солнце то жарко вспыхивало, то гасло, зарываясь в густые вершины; в дорожных колеях узкими полосами стояла давняя, позеленевшая вода, моховые пни то выглядывали, то прятались в серебристый от лишайников подлесок, и вдруг всё кончилось. Дорога опять вынеслась на простор, но теперь вместо желто-зелёной пшеницы лежали тёмно-зелёные с красным клевера.

— А вон и пасека, — показал дядя Алексей.

Но Костя уже и так увидел.

Разноцветный карликовый городок с плоскими крышами. Красные, жёлтые, голубые домики. А немного в стороне — дом побольше, некрашенный, фанерный, с чёрной толевой крышей и с маленьким — крестиком — окошком. И с железной трубой. Не дом, а просто будка. Но среди маленьких он выглядел большим, как школа в деревне.

Разноцветные домики-ульи стояли в три ряда. Две улицы между ними. И никого кругом. Сам по себе городок. А потом из будки вышел человек в белой рубахе распяской, в очках и в широкой соломенной шляпе. Он помахал рукой и так и остался стоять, ожидая.

Телега покатила мягко, как по матрацу, наклонилась, выпрямилась и встала.

— Приехали!

Журка довольно фыркнула и потянулась к пушистым ма-

линовым шарикам клевера. И тут в тёплой, плывущей тишине Костя услышал прозрачный дрожащий звон. Звенели головки клевера, звенел воздух, звенела тишина. Он оглянулся, — никого.

— Дядь Алексей, что это? Что звенит?

— Пчёлы работают, — ответил дядя. Он спрыгнул на землю и, подхватив за железные уши бидон, снял его с телеги.

Подошёл дедушка.

— Эге, — сказал он. — Приехали? Ну-ка, слезай.

У дедушки были голубые глаза и тёмное от загара лицо.

— Слезай, слезай, внук.

— А пчёлы? — спросил Костя. — Они не укусят?

— А ты разве злой? — спросил дедушка.

— Не знаю. Наверное, нет.

— Ну, тогда не укусят. Они только злых кусают.

Костя засмеялся и слез с телеги. Дедушка повернул его за плечо к солнцу.

— Ну-ка, какого мне Дуся в городе внука растит?

«И вовсе он не старый, — подумал Костя. — А когда к нам в город приезжал, только притворялся стариком. И кашлял нарочно. А сам молодой и на доктора похож».

— Идём ко мне в дом, — сказал дедушка и повёл Костю мимо ульев в фанерную будку.

Костя шёл и оглядывался: а вдруг какая-нибудь укусит? Но пчёлы, чёрными пульками покружившись над ним, отлетали в сторону.

Уютно в домике деда. Окноце завешено марлей. Кровать

сделана из двух козелков, на которые положены доски. Железная печурка посредине. В углу на ящике ведро с водой, покрытое деревянным кругом, а на круге зелёная, с белым эмалевым нутром кружка. На стене над кроватью настоящее ружьё.

— Зачем ружьё? — спросил Костя.

— Вдруг волк забежит на пасеку? — хитро прищурился дедушка.

— А здесь разве волки водятся?

— Бывают, — сказал дедушка.

— И ты видел?

— Пока ещё нет, — сказал дедушка.

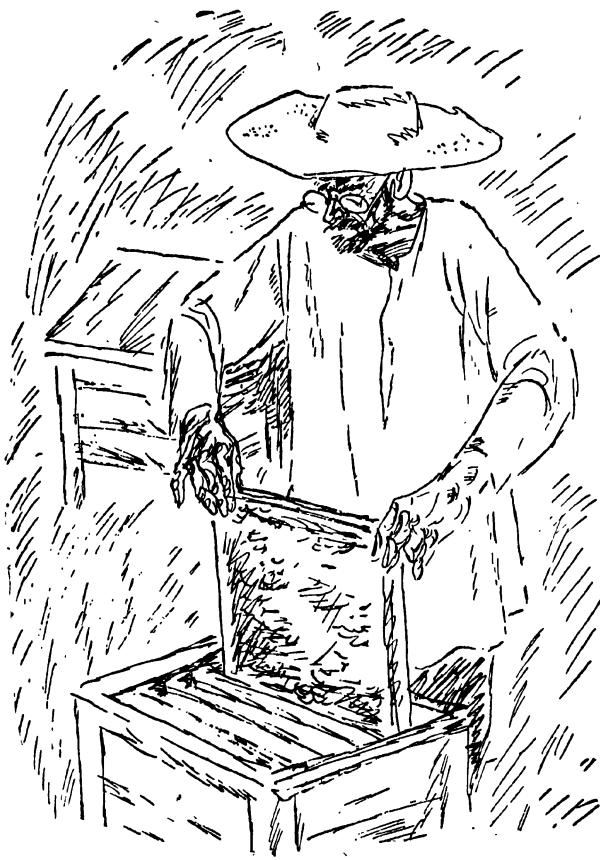
Чего-чего только нет на скамейке и на полу! Целый день можно разглядывать. Сетки, решётчатые коробочки с выдвижными стенками, белые, гладко оструганные рамки с натянутыми поперёк проволочками, длинный нож, заточенный с обеих сторон, как кинжал, и ещё какая-то закопчённая штука, похожая на кофейник с широким носиком.

— Дымарь, — объяснил дедушка. — Пчёл отгонять дымом, чтобы не мешали.

— Батя, когда думаете начинать? — крикнул снаружи дядя Алексей.

— А что ж, сейчас и начнём, — сказал дедушка. — Выкатывай, Алексей, медогонку. Она под навесом, за будкой.

...И вот медогонка — большой, светлый, оцинкованный бак, на верхнем краю которого ручка, как у швейной машин-

Наконец Костя решается пройти по улицам пчелиного городка. От каждого домика, от щели, у которой густо толпятся пчёлы, вниз, на землю, ко-со проложены дощечки-сходы. Пчёлы заняты непонятной работой, не обращают на человека никакого внимания. Они ползают вверх и вниз по сходам, вежливо уступают друг другу дорогу, иногда неожиданно срываются с места и, гудя, растворяются в голубом воздухе.

В дальнем конце городка поилка. На козлах лежит бо-

ки, и две косые шестерёнки, — поставлена на чистую полянку над специальной ямой. И дед раскладывает на столе, ножками вкопанном в землю, ножи, ложки, ставит миску с водой, насыпает в дымарь опилки и разжигает их, приготавливает какие-то тряпочки, сечки. Сейчас он ещё больше похож на доктора. Лицо у него серьёзное, очки строго поблескивают. Костя спешит всё увидеть — и медогонку, и дымарь, который фукает дымом, если нажать на него сзади; он даже успевает примерить на лицо тюлевую сетку, похожую на большой китайский фонарь. Дед не сердится, всё разрешает.

чонок с неплотно всаженной деревянной пробкой. Из-под пробки каплями стекает на наклонную доску вода. Пчёлы налетают на влажную доску со всех сторон. Пьют.

Тем временем дед снял крышку с красного улья и вынул из него первую медовую рамку. Она тяжела, густо облеплена шевелящейся тёмно-жёлтой массой. Дед ставит рамку одним концом на край улья и мягким просяным веничком сметает пчёл. Они сваливаются в улей, нехотя взлетают, раздражённо гудят. Под веничком открываются соты. Сильно пахнет вощиной и цветами.

Дед переносит рамку на

стол, обмакивает в миску с водой нож и срезает с сотов крышечки, закрывающие ячейки. Каждая ячейка похожа на маленький шестигранный стаканчик, в котором сладко поблескивает. Дед для чего-то нюхает соты, снова обмакивает нож в воду, вырезает из рамки большущий, жёлтый, маслянистый кусок и сбрасывает его на блюде.

— А ну-ка, Костя, отпробуй. И Костя пробует...

Перед самым лицом выются гудящие точки. В небе стоят мягкие пуховые облака. Какой необычный, сказочный день!

Дядя Алексей вставляет начатую рамку в медогонку, а дед уже обметает вторую.

И вот медогонка заряжена, и дядя Алексей берётся за ручку, и дед говорит «с богом», и улыбается, потому что сказаны эти слова просто так, для доброго начала.

Дядя Алексей крутит ручку, и медогонка, набирая скорость, начинает гудеть. Костя заглядывает внутрь. Там сильно и ровно вертится крестовина, в которой стоя закреплены рамки. Тяжёлая жёлтая роса выбрызгивается на светлые стенки бака. Капли сливаются, сползают вниз, и на дне уже стоит прозрачный, хмельного запаха слой. Слой того, ради чего все хлопоты, полевая дорога, цветы клевера и весь этот чудесный, лёгкий, чуть облачный день.

Пчёлы садятся на края медогонки, заползают внутрь; некоторые, сбитые тяжёлыми каплями, падают в мёд и уми-

рают в нём, слабо шевеля ножками. Костя пытается вытаскивать их длинной соломиной.

— Не надо,—говорит дед.— Они добре поработали. А теперь приняли хорошую смерть. Сладкую.

Костя доедает сотовик, долго обсасывает последний восковой катышек.

Солнце переходит полдень.

— Можно сливать,—говорит дедушка.

Вдвоём с дядей Алексеем они опускают один из привезённых бидонов в яму, над которой выдаётся край медогонки. Дедушка берётся за ручку крана и говорит Косте:

— А ну-ка, внук, неси из дому кружку.

Костя приносит и смотрит, как золотистая густая струя лентой укладывается в эмалевую глубину.

Все трое по очереди прикладываются к кружке.

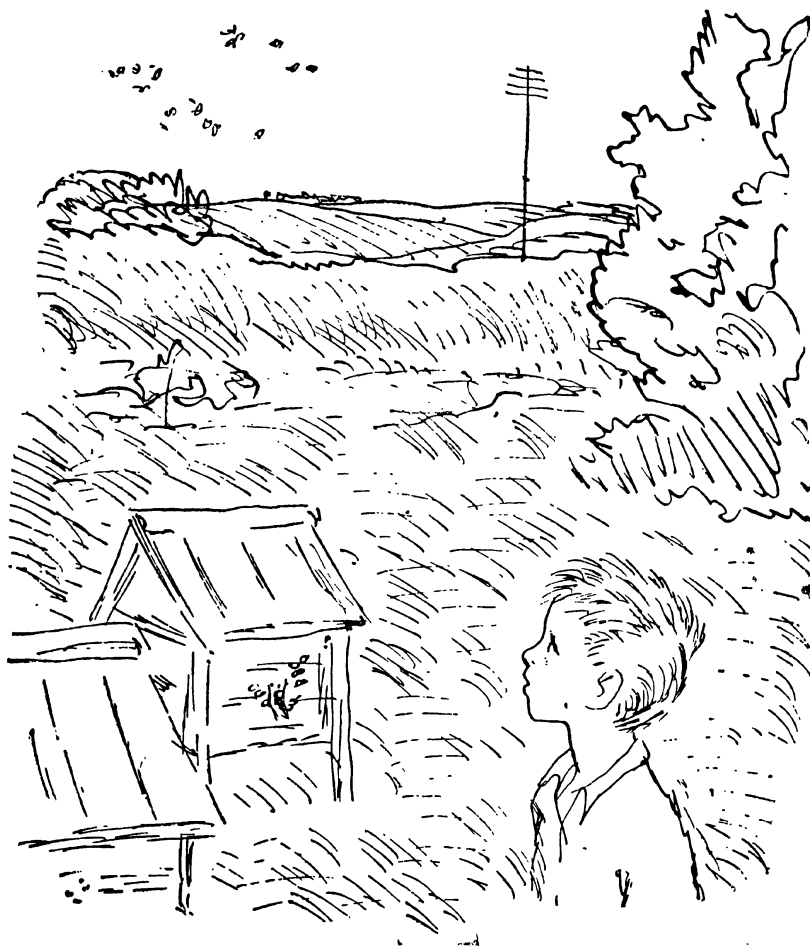
— Хорош! — говорит дядя Алексей, крепко вытирая ладонью губы.

— Хорош! — повторяет Костя, зажмуривая глаза и качая головой.

Дед отпивает самую малость, долго держит мёд во рту, пережёвывает его, как хлеб.

— Откуда они гречишного натаскали, не пойму,—говорит он.— У нас здесь и гречихи близко нету. Должно быть, от Максимовских. Максимовские сеяли.

Потом он откидывает заслонку крана, и толстая медленная струя, изгибаясь, падает в бидон.

...И опять гудит медогонка, и опять дед вынимает из ульев грузные рамки, и плывёт, плывёт над землёй прозрачный, звенящий синий день.

Костя устал.

Слишком много всего вокруг для одного маленького человека. Много солнца, много воздуха, чересчур широки клеверные поля.

Он уже не успевает смотреть. Жарко. И слегка кружится голова от выпитого мёда.

Костя идёт в прохладную будку, садится на жёсткую дедушкину постель и на минуту закрывает глаза.

Как хорошо, что мать отправила его в Пеньково, а не повезла с собой в Крым. В Крыму и на Кавказе всё будто не настоящее, как в парке культуры. Даже Чёрное море. И санатории точно выстроены из белых брусочков деревянного конструктора. Почему-то быстро становится скучно от такой красоты. И люди там похожи на гостей или на посетителей в музее. Можно даже посидеть на золотом стульчике, если устанешь. А здесь не чувствуешь себя приезжим. Здесь всё — твоё навсегда, на всю жизнь.

Костя придвигает к себе подушину и на мгновение, на один коротенький миг прижимается к ней щекой. От подушки пахнет сеном и земляникой, и она такая мягкая! За стеной будки замирает гудение медогонки.

— Завтра я привезу ещё шесть, — слышится голос дяди Алексея.

Костя просыпается.

Дверь будки распахнута настежь. Солнце краем село на землю и стало большим и красным. И всё вокруг тоже покраснело — и облака, и трава.

— Я сейчас, — говорит Костя, протирает слипающиеся глаза и выходит наружу.

Рядом с телегой, в которую впряжена Журка, стоит дядя Алексей. Он в куртке, застёгнутой на все пуговицы, на голове кепка, а в руках вожжи. Журка нетерпеливо переступает с ноги на ногу и отфыркивается.

Неужели конец? Неужели он всё проспал? А может быть, ещё не кончили, ещё надо что-нибудь делать?

— Всё, братец мой, всё, — говорит дедушка. — Четырнадцать ульев выкачали. Пчёлам тоже спать надо.

Костя смотрит на телегу. Блестящие бидоны двумя ря-

дами уставлены в сено. Полные до самых крышек, неповоротливые, пузатые.

И вдруг Косте становится грустно. Почему те люди, которые будут есть этот мёд, не увидят ни красно-зелёных клеверных полей и пшеничных волн, ни роши, похожей на остров, и не услышат, как поёт солнце, как журчит, переливаясь, голубой воздух, как разговаривают травы и радостно трубят пчёлы, возвращаясь домой.

...А может быть, всё-таки увидят, если очень-очень захотят?

Шесть бидонов в телеге. Сколько в них дней, таких, как сегодня? О, не сосчитать!

— Ну, Костя, до завтра. Помогай деду. Он тебе покажет, что нужно делать, — говорит дядя Алексей и легонько дёргает вожжи. — Н-но! Застоялась, голубушка!

Телега, глухо скрипнув, трогается. В том месте, где с клеверов она поворачивает на дорогу, дядя приостанавливается и машет рукой.

Последний раскалённый уголок солнца ещё светится на самом краю земли.

— Завтра нам придётся одним управляться, — говорит дедушка. — Идём-ка поужинаем.

К вам обращается Горький

Когда я спросил в сельсовете, кто из жителей деревни хорошо знает старые песни и сказки, то председатель сразу посоветовал:

— К бабушке Марии Николаевне Тихоновой идите. Лучше её песенницы не найдёте.

Ну что ж, к бабушке так к бабушке, — я к этому привык. Поднялся на горку, как мне сказали, нашёл дом, перед которым росла большая ёлка, и постучал.

Открылась дверь, и на пороге появился маленький мальчик Коля — немножко рыженький, с оттопыренными ушами, с весёлыми веснушками на носу и с весёлыми голубыми глазами. Весь мальчишка был какой-то очень весёлый и смешной.

— Дяденька, — спрашивает, — вы к нам за песнями и сказками пришли, да? А я тоже сказку знаю!

«Ну, — думаю, — что ты там знаешь. Я лучше с бабушкой твоей посижу, побеседую». А он всё вертится около стула и мешает:

— Давайте я расскажу, давайте я.

— Ну, ладно, — рассердился я, — давай свою сказку сюда!

А он и пошёл, и пошёл. И так складно, легко. Послушал я его и говорю:

— Теперь ещё раз расскажи, а я запишу. Интересная у тебя сказка. Только не торопись.

И начал я записывать сказку.

«Пошла коза в орехи.

Нашипала три мехи

Одной шелухи.

Пошёл козёл за нею и говорит:

— Коза, коза, иди домой!

Она отвечает:

— Нет, не пойду.

Козёл говорит:

— Ну, погоди-ка, коза! Я на тебя волков нашла. Волки, волки, идите козу есть!

— Нет, не пойдём.

— Ну, погодите, волки, я на вас нашла чертей. Черти, черти, идите бить волков!

— Нет, не пойдём.

— Ну, погодите, черти. Я на вас нашла верёвок. Верёвки, верёвки, идите бить чертей!

— Нет, не пойдём.

— Ну, погодите, верёвки, я на вас нашла огонь. Огонь, огонь, иди палить верёвки!

— Нет, не пойду.

— Ну, погоди, огонь, я на тебя нашла воду. Вода, вода, иди заливать огонь!

— Нет, не пойду.

— Ну, погоди, вода, я на тебя нашла долбней.* Долбни, долбни, идите воду пить!

— Нет, не пойдём.

— Ну, погодите, долбни, я на вас нашла червей. Черви, черви, идите долбней точить!

— Нет, не пойдём.

— Ну, погодите, черви, я на вас нашла куриц. Куры, куры, идите червей клевать!

* Долбень — толкушка.

Куры пошли клевать червей, черви пошли точить долбней, долбни пошли воду пить, вода огонь тушить, огонь пошёл верёвки палить, верёвки пошли чертей бить, черти пошли волков бить, волки пошли козу есть, коза — за осинку, волк её — за спинку — вот и коза вся, и сказка вся».

и развивает его сообразительность. Это пример того, как народ за многие сотни лет выработал свои способы учить детей, учить весело и незаметно для них самих...

Тут и бабушке неудобно стало отставать от внука. Оправила она платок на голове и сказала:

Я знал эту сказку и раньше. Похожую на неё вы и сами, наверное, читали. Но перечитайте её ещё раз. Посмотрите, как ловко укладывается в голове содержание, как легко его запомнить! Собственно, сказку заучивать и не нужно. Нужно её только понять. Ведь все действующие лица находятся в определённой связи. Здесь не выкинешь, неставишь эпизоды, — получится бессмыслица. Поэтому забытое место всегда можно самостоятельно «додумать». Так, кстати, и поступил Коля, когда заторопился и начал путаться.

Вот и выходит, что эта маленькая сказочка не только занимает слушателя, она ещё

— Так, а что петь-то? Я ведь столько знаю, что никак не могу выбрать. Называйте, что вам нужно, а я спою.

Я говорю:

— Нет, называйте вы, а я выберу. Вернее, пойте всё подряд, мне всё нужно и интересно.

Я думал, бабушка немного преувеличивает, — нет! Действительно, такую хорошую песенницу встретишь не часто. Она пела и пела — до самого вечера. А я всё записывал.

Самое удивительное, что разговор этот происходил не где-нибудь в далёком и глухом месте, а под Ленинградом, в нескольких километрах от Гатчины, в деревне Холоповицы

(название-то какое старинное. Догадываетесь, от какого слова?)

И вот сидят, наверное, ребята в этой деревне, да и в соседней, да и в Гатчине, да и в Ленинграде и читают по школьной хрестоматии сказку о Морозке и другие, какие им полагается. И думают: когда-то эти сказки были!..

А что бы взять им да и прийти всем классом в гости к такой Марии Николаевне и попросить: «Расскажите-ка нам, Мария Николаевна, свои сказки!»

Не пожалели бы!

А потом бы записали их точно, слово в слово. Да поспрошали бы своих бабушек и дедушек. Послушали бы, что они знают — какие сказки, какие песни, загадки, пословицы, поговорки, частушки. Собрали бы большой альбом «Народное творчество нашей деревни» или «Сказки нашего района», «Песни нашего района», «Частушки нашего района». Особенно важно записать песни и частушки гражданской войны, фольклор Великой Отечественной войны.

Очень интересно и полезно это дело!

Тридцать лет назад великий писатель А. М. Горький обра-

тился с призывом к литераторам, деятелям культуры — собирать фольклор. На этот призыв откликнулись и школьники. Все свои записи они посылали в «Пионерскую правду». За несколько месяцев газета собрала и частично напечатала более пятисот сказок! Все опубликованные сказки «Пионерская правда» подарила писателю и попросила его рассказать о том, что дали ему песни и сказки в детстве, какое значение имеет народное творчество для его собственной работы.

В ответ Горький написал знаменитую теперь статью «О сказках».

«Сказки няньки и песни бабушки, — говорил Алексей Максимович, — внушили мне смутную уверенность, что есть кто-то, кто хорошо видел и видит всё глупое, злое, смешное, кто-то чужой богам, чертям, царям, попам, кто-то очень умный и смелый... А песни пели о жизни трудной, голодной, несчастной...»

...Ребята, а давайте-ка дружно возьмемся и вы за соби-
рание фольклорных произведений, продолжите то, что начали пионеры и школьники
треть века назад!

Вл. БАХТИН

А ЧТО, ребята? Дело это увлекательное!

Ведь не каждое село нашей области может посетить учёный-фольклорист. А ребята живут везде! Им со своими родителями, бабушками, дедушками и поговорить о песнях да сказках даже как-то сподручнее.

Редакция «Искорки» целиком поддерживает предложение писателя В. С. Бахтина. И поэтому мы

ОБЪЯВЛЯЕМ КОНКУРС ЮНЫХ СОБИРАТЕЛЕЙ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Участвовать в нём могут все желающие ребята. Можно участвовать в конкурсе в одиночку, можно и отрядом, классом, школой.

Лучшие сказки, песни, частушки, загадки, поговорки мы будем публиковать на страницах нашего журнала. А победителей, конечно, наградим.

Победителями мы будем считать тех ребят (или отряды, школы, классы), которые пришлют нам наибольшее количество собранных сказок, частушек и т. д. Отдельно будут отмечены ребята, приславшие наиболее интересные материалы.

Срок проведения конкурса — весь этот учебный год, до 1 мая 1966 года.

Только помните: присылать следует лишь то, что вы записали, услышав устно. Сказки, загадки, песни, переписанные из книг, в конкурсе участвовать не могут.

А теперь о том,

КАК ЗАПИСЫВАТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Все произведения нужно записывать очень точно, не меняя слов и выражений. Сказки следует записывать во время рассказывания (чтобы не пропали эпизоды, яркие и красочные сравнения, шуточные замечания и т. д.), песню — с голоса, указывая повторения строчек, отдельных слов. После того как запись сделана, полезно её проверить, попросить певца исполнить песню ещё раз. Сказочник, конечно, вряд ли может повторить сказку слово в слово. Но если какое-то место пропущено, не стоит прерывать рассказ, лучше записать его позднее.

Каждый текст должен иметь свой «паспорт», то есть сведения о том, от кого, где, когда и кто записал этот текст. Полезно дать краткую характеристику исполнителя — сообщить его возраст, образование, где слышал исполнитель данное произведение, какие ещё народные сказки, песни, частушки, загадки знает.

Если встретился большой мастер, нужно составить полный список произведений, которые он знает. Записи от хорошего сказителя или песенника могут составить отдельный альбом. К альбому приложите фотографии.

Со всеми вопросами обращайтесь к нам в редакцию.

Желаем успехов участникам конкурса!

Ждём ваших сообщений!

БЕЛЫЙ ГРИБ

И грибник я неумелый,
И пешком устал идти,
Но я мне хотелось белый,
Самый белый гриб найти.

Бродит по лесу семья:

Папа,

мама,

Света,

я.

В сотый раз гляжу под ёлки —
Ельник хлёсткий,
Ельник колючий.
Я ползу на животе,
А грибы — не те,

не те!

Видно, поиски напрасны,
Не напасть никак на след:
Сколько жёлтых, чёрных, красных,
Ну, а белых нет как нет!
Словно палуба, болото,
Чуть от качки не погиб...
И смотрю — белеет что-то:
Ой, какой огромный гриб!
В ярких крапинках панамы —
Наконец-то!
Белый!
Мой!

— Брось скорей, — сказала

мама, —

Это ж белый

мухомор!

Не везёт,
Но не грущу,
Снова ползаю, ищу.
Где тут белые?

И вдруг
Вижу сразу десять штук!
Говорит сестра с усмешкой:
— А ведь это — сыроежки!
Пять огромных белых шляпок
Я увидел у тропы.
Поглядел на шляпки папа:
— Вроде белые грибы. —
Но опять смеётся Света:
— Подберёзовики это! —
Не смирясь, не успокоюсь,
В бурелом иду на поиск.
Хлещут ветки,
Но упрямо
Я шагаю напрямик...
— Эй, сынок! — позвала мама.
— Вот он, белый!
Боровик!
Я держу в руках его,
Не пойму я ничего:
Это, знаешь, гриб, не дело!
Лезь, обманщик,
В кузовок,
Ты зачем зовёшься белым?
Ты ж коричневый,
дружок!

ВОВКЕ захотелось научиться рисовать так же хорошо, как художник Репин. Он рисовал где только мог, даже на отцовых книгах и деловых бумагах. Поначалу его не смущало, что рисунки не удаются, потом это начало раздражать и злить.

Однажды Вовке приснился сон. Явился будто к нему Кот в сапогах. Вовка его тут же на цепь: «Сделай, чтоб я рисовал, как Репин, а то не отпущу!»... Кот обещал.

Утром Вовка попробовал. Оказалось, что он обманут: как не умел рисовать так и не умеет. Ух, до чего же он был возмущён!

Рассказ «Вовка-художник» был напечатан в архангельской газете «Северный комсомолец» десять лет назад. Написал его морской офицер Константин Иванович Курбатов. Написал в назидание Вовкиным сверстникам, чтоб не повадно им было ловчить и хитрить в жизни, надеяться, что самое трудное за них сделает кто-то, а они воспользуются готовеньким.

С той поры Константин Курбатов написал немало рассказов, две повести. И все они о ребятах.

— Почему вы стали детским писателем?—спросили однажды Курбатова.

- Люблю детей! — улыбнулся Константин Иванович.
- А если они двоечники? Если лодыри и забияки?
- Всё равно люблю. Ведь не всегда же они будут двоечниками, лодырями и забияками...

Сегодня мы начинаем печатать приключенческую повесть Константина Курбатова «Дом без чёрного хода». Повесть большая, вы будете читать её в «Искорке» и в этом и в следующем году.

К. Курбатов

Рисунки П. Вискова

(П О В Е С Т Ь)

ВЫЛИТАЯ МАМА

Мама лежала на бабушкиной кровати и слабым голосом давала указания, как упаковывать вещи. Мамин лоб закрывало мокрое полотенце. Очки она положила на тумбочку рядом с кроватью. Папа увязывал тюки. Ему помогала бабушка.

— Господи, — простонала с кровати мама, — не торчи ты у двери, там сквозит. И посмотри, на кого ты похож.

Гоша был похож на маму. У него были такие же густые, почти сросшиеся на переносице брови, большие карие глаза и припухлые губы. Гоша

хотел спросить, где же ему торчать, если вся комната завалена вещами, но не спросил. Он был послушным ребёнком и родителям не грубил.

Мама повернула измученное лицо к папе.

— Куда ты запихиваешь вазу? Ты сознательно хочешь меня угробить?

— Нет, не сознательно, — признался папа. — А куда её прикажешь запихнуть?

— Её вообще не нужно запихивать. Её нужно уложить, чтобы она не разбилась.

— Я именно так и собирался сделать.

— Я видела, как ты собирался.

— Каким образом ты могла это видеть, когда я всего-навсего переставил её, чтобы она не мешала?

— Господи! — воскликнула мама. — Этот человек сведёт меня с ума.

У буфета лежал свёрнутый валиком ковёр. Гоша шагнул через сетку с кастрюлями и уселся на валик. Он знал, что будет дальше. Если папа сейчас не замолчит, то мама живо доберётся до его «умственных способностей» и кое про что ему напомнит. Она напомнит, что папа до сих пор рядовой инженер, а его товарищ уже давно начальник отдела. После этого бабушка сразу забеспокоится и спросит у Гоши, не хочет ли он погулять. А когда Гоша откажется, бабушка вздохнёт, скажет, что мороженое — вещь очень полезная, и полезет за кошельком...

Папа не замолчал,

— Гоша, — вздохнула бабушка, — на улице такая погода. Ну что ты всё время околачиваешься дома?

— Я уже гулял сегодня, — буркнул Гоша.

Бабушка полезла за кошельком.

Больше тридцати копеек ждать от неё, конечно, было нечего. Тридцать копеек — бабушкин «потолок». Вот с папы, когда мама заводит с ним особенно интересные разговоры, можно даже рубль выжать. Но это редко.

Поторговавшись, Гоша получил свои тридцать копеек и очутился в коридоре.

Прежде всего он решил деньги на мороженое не тратить. Что такое мороженое? Ничто! Съел его — и пусто. Лучше денежки припрятать и накопить к ним ещё. Мама со сборами на новую квартиру совсем запарилась, и очень возможно, что вскоре дело кончится рублём.

Над городом пылало солнце. Оно обжигало затылок. Гоша с завистью подумал о тех, кто сейчас отдыхает на дачах. Весь шестой «а» разъехался на дачи. А здесь сиди с этим переездом. Ни одного знакомого человека в городе не осталось.

Ух, если бы рубль! А ещё лучше два. Много чего можно купить на два рубля. Но лучше всего купить старинных монет. У Гоши уже накопилась целая коллекция. У него есть и центы, и левы, и пфенниги, и царские пять копеек 1914 года, и даже елизаветинский серебряный рубль, который отчекани-

ли более двухсот лет назад. Этот рубль Гоша выменял у Марика Селютина на «Таинственный остров», «Двух капитанов» и один совсем новенький шариковый подшипник.

Грузовик с синей цистерной поливал улицу. От носа грузовика пышными усами вздымались фонтаны воды. На чёрном асфальте расплывались радужные пятна.

В луже у края тротуара купались воробы.

Люди прятались в тень.

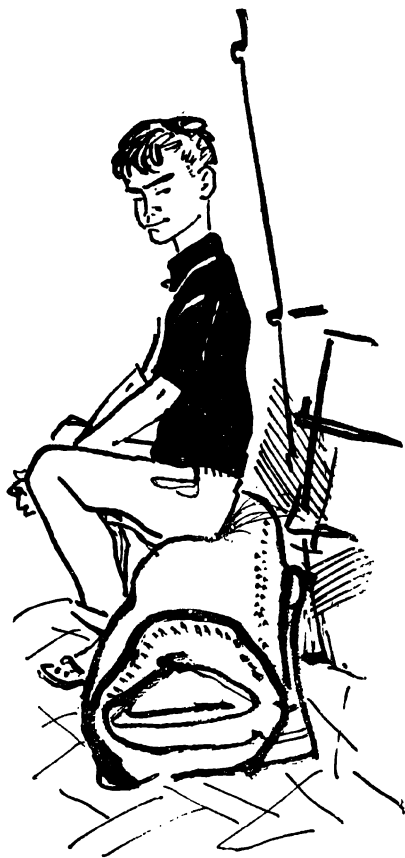
Над лотком с мороженым висел гофрированный козырёк. От солнца он не защищал. Солнце било прямо в лицо продавщице. Щурясь, продавщица нагибалась в холодное нутро ящика и доставала тугие вафельные стаканчики.

Гоша скользнул взглядом по стаканчикам. В конце концов если весь шестой «а» барахтается сейчас в прохладных реках и озёрах, то почему нельзя позволить себе одну порцию мороженого?

— Фруктовое, пожалуйста,— сказал он, выбрав самое дешёвое.

Позвякивая в кармане сдачей, Гоша вошёл в подворотню своего дома, пересёк мощёный булыжником двор и поднялся по чёрной лестнице. Известно, что мороженым лучше всего наслаждаться в одиночестве, когда тебе никто не заглядывает в рот.

На лестнице пахло дымом, жареной картошкой и гуталином. От грязных стен тянуло прохладой. Гоша устроился на

подоконнике. Если кто выйдет с бельём на чердак или с мусорным ведром на помойку, то можно живо нырнуть в кладовку. Это чтобы не доложили маме, которая категорически запрещает ему ходить на чёрную лестницу.

Гоша неторопливо съел мороженое и стал смотреть в окно. По ржавым карнизам прогуливались голуби. В блёклом небе лениво ползли редкие облака.

Внизу стукнула дверь и слышались шаги. Гоша заглянул через перила и юркнул в кладовку. В темноте заворчали старые тазы и кровати.

Шаги прохрустели мимо кладовки и остановились. На

подоконнике, на том самом месте, где только что сидел Гоша, устроился незнакомый мальчишка со сплюсненным носом. Нос у него так сильно топорщился вверх, словно мальчишка прижался носом к стеклу и нарочно соорудил смешную рожу.

Пока Гоша в щёлку разглядывал странного парня, на площадке появился ещё один человек. Он был невысок ростом и со старательно зачёсан-

ными на лысину жидкими волосами. Лысый посмотрел на мальчишку хмуро и выжидательно. Но мальчишка будто и не заметил его. Он сидел боком на подоконнике, глядел в окно и раскачивал ногой.

— Ну, — потребовал лысый.

Мальчишка медленно оглянулся.

— Приветик, — отозвался он. — От Ильи вам поклон горячий с кисточкой.

— Ну, — раздражённо повторил лысый.

— Печень у него пошаливает, — равнодушно сказал мальчишка. — Селёдку ему нельзя, а он ест.

— Ты что? — спросил лысый.

— Ей-богу, ест, — подтвердил мальчишка.

У лысого взбухли на скулах желваки.

— Тебя зачем, балалайка, прислали сюда? — прошипел он.

— Почему же балалайка? — обиделся мальчишка. — Я, может, совсем даже гитара. Или роаяль.

— Яшка!

— Во, или Яшка.

— Яшка, я Илье скажу. К чертям! Мне здесь с тобой лысы точить некогда.

— А мне?

— Яшка!

— Тише вы, — прошептал Яшка. — Орать-то зачем? Мне ведь ничего не будет, я несовершеннолетний. А вам, если кто узнает, за такие штучки, знаете...

— Идиот, — выругался лысый. — Балалайка несчастная. Морду бы тебе побить. Ты дашь, что принёс, или нет?

— А это? — Яшка потёр перед сплюсненным носом пальцами. — Вы всегда про это забываете. С кого мне потом за доставку получать? С Пушкина?

Чертыхаясь, лысый полез в карман и достал металлический рубль. В ответ Яшка протянул ему запечатанный конверт.

Они обменялись ещё несколькими любезностями. Уходя, лысый напомнил:

— Чтобы раньше чем через час отсюда ни шагу. И только дворами. На улицу чтоб носа не казал.

Яшка равнодушно глядел в окно и качал ногой. Он не удостоил лысого ни ответом, ни взглядом.

ПРИВЕТИК С КИСТОЧКОЙ

В кладовку хорошо забраться на несколько минут, но не на час. Час в такой конуре не очень-то выдержишь. Темень, пыль, какой-то гадостью пахнет и сесть не на что. И ещё в спину железяки давят.

Но выходить из укрытия после разговора, который Гоша подслушал, было тоже страшно.

Яшка сидел на подоконнике и болтал ногой. Казалось, он устроился тут на постоянное местожительство.

Мама всё время втолковывала Гоше, что от уличных мальчишек нужно держаться подальше. Этот, с расплюсненным носом, судя по всему, был ещё хуже уличного.

От неудобной позы у Гоши онемели спина и шея. Он боялся шелохнуться и дышал ртом.

Вдруг в углу кладовки что-то пискнуло и зашуршало. Холодок сдвинул Гошину грудь и опустил к коленкам. Крысы! Они нагло возились в темноте и пищали. Сердце у Гоши застучало гулко и часто. Гоша поджал одну ногу, чтобы было не так страшно. Он с удовольствием поджал бы и вторую.

Но вторую он поджать не мог. И тут крыса — он ясно представил её — грязная толстая крыса с голым хвостом шмыгнула прямо через Гошин ботинок.

Загрохотали тазы и кровати. Гоша взвыл пожарной сиреной и, как из катапульты, вылетел на площадку. Он несколько секунд постоял с закрытыми глазами и, когда, щурясь от света, открыл их, то с удивлением увидел пустой подоконник.

Но обрадовался Гоша рано. Яшка, которого неожиданный грохот и вой сдули с окна, уже медленно поднимался по ступенькам. Вывернутые Яшкины ноздри возмущённо трепетали.

— Ты, — угрожающе прошипел он. — Трясогузка с чёлочкой. Я же сейчас из тебя салат сделаю. Как поступают со шпионами, знаешь?

Пятясь к стене, Гоша прикрывался ладонями. Руки у него дрожали. Полные губы — тоже. Этот живоглот с ноздрями был страшнее любой крысы.

— За порядочными людьми шпионишь, да?

Гоша смотрел на свои руки. Там, где остались следы от мороженого, чёрными пятнами налипла пыль. Пятна дрожали и расплывались, потому что в глазах у Гоши скопились слёзы.

— Да? — повторил Яшка.

— Нет, — пробормотал Гоша. — Я просто... Мы на другую квартиру уезжаем, и я... я свой велосипед искал.

Неожиданно пришедшая

мысль о старом велосипеде, который действительно валялся где-то в кладовке, немного успокоила Гошу. Он шмыгнул носом и взглянул на Яшку. По щеке у него скатилась слезинка.

— Ты, — прошипел Яшка и от чёлки до подбородка провёл по Гошину лицу потной ладонью. — Заливать своим предкам будешь. Но если кто узнает, о чём мы тут с моим дядей говорили, то можешь заранее себе место на кладбище готовить. Тебе где больше нравится, на Серафимовском или на Волковом?

У Гоши ослабли ноги. Права была мама! И зачем только понесло его на эту чёрную лестницу? На парадной бы уже сто человек мимо прошло. А здесь тишина, как в могиле. Пырнут в живот финкой, и никто не узнает.

— Ладно, — миролюбиво заключил вдруг Яшка. — Ты вроде свой парень, хотя и с чёлкой. И на кладбище тебе не хочется. Точно?

— Нет, не хочется, — пролепетал Гоша.

— Во, — сказал Яшка. — Я сразу догадался. Сыграем?

Он щелчком большого пальца подбросил металлический рубль, поймал его и зажал в кулаке.

— Орёл или решка?

— Мне домой нужно, — прошептал Гоша.

— Да не дрейфь ты. Мы же по-честному. На три копейки.

Рубль снова взлетел в воздух и шлёпнулся в грязную Яшкину ладонь.

— Орёл или решка?
Зелёные Яшкины глаза горели хищно и весело.

— Мне домой нужно,— едва слышно повторил Гоша.

Яшка поднёс к Гошину носу кулак:

— Ну?

— Решка,— выдавил Гоша. Кулак раскрылся.

— Твоя,— определил Яшка. — Разменять рубль найдётся?

Гоша затряс головой.

Заверив, что за ним не пропадёт, Яшка снова подкинул монету.

— Орёл,— осмелел Гоша и с ужасом подумал о маме. Увидела бы она сейчас, что он делает. На чёрной лестнице, с самым что ни на есть уличным мальчишкой играет в деньги!

— Фу ты, ну ты,— удивился Яшка. — Опять твоя. Давай по пятаку.

По пятаку Гоша тоже почти всё время отгадывал и подсчитывал в уме, сколько выиграл. Незаметно перешли на гривенники. Потом Яшка предложил метнуть на полтинник. Понятно, человек, который не соби-

рается отдавать проигрыш, может идти хоть на сто рублей. Ему всё равно. И всё же Гоша сказал:

— У тебя на полтинник не хватит. У тебя только рубль, а ты уже шестьдесят шесть копеек проиграл.

— Шестьдесят шесть? — удивился Яшка. — Когда это?

— Ну да. Вот смотри: сначала два раза по три. Потом два пятака я проиграл, а ты три. Значит, одиннадцать копеек. Потом...

— Стопочки, — выставил ладонь Яшка. — По арифметике у меня все равно трояк. Верю на слово. Ну, на полтинник?

— А у тебя хватит?

— Дура ты, — сказал Яшка. — У меня даже на швейную машинку хватит. Вместе с иглками. Такое видел?

Между Яшкиным большим и указательным пальцами блеснула золотая монета.

— Старинная! — удивился Гоша.

— Тысяча восемьсот девятию первого года рождения, — подтвердил Яшка.

— Ты их собираешь?

— Чего это?

Они уселись на подоконник. Гоша рассказал про свою коллекцию и никак не мог наглядеться на золотую десятирублёвку. На одной её стороне были отчеканены профиль царя с густой бородой и надпись по кругу: «Александр III император и самодержец всероссийский». На другой — двуглавый орёл.

— И я вроде как собираю, —

хмыкнул Яшка. — Только не коллекцию. Для дела одного. У меня таких Александров третьих уже пять штук накопилось. В одном заброшенном домишке храню. С боку окна доску оттяну, а там коробочка железная.

— Давай меняться, — предложил Гоша. — Хочешь, я тебе за эту монету турецкую дам. Она с дыркой.

— Сам ты с дыркой. — Яшка вырвал из Гошиных рук монету. — Знаешь, сколько такая штучка стоит?

Он спрыгнул с подоконника.

— Ну, на полтинник?

— А если выиграю, ты эту отдашь?

— Ты играй давай.

— Орёл, — сказал Гоша.

— Шиш, — сощурился Яшка. — Решка.

За одну минуту Гоша просадил весь свой выигрыш и ещё сорок четыре копейки в придачу. Остаток денег от мороженого не покрыл и половины.

— Ещё? — сверкнул зелёным глазом Яшка.

— Давай.

На семидесяти шести копейках Яшка остановился. На предложение получить за них турецкую монету и ещё чего-нибудь только фыркнул.

— Чего ты мне всё суёшь свою дырявую? Ты чего положено гони. Без дырок.

Гнать чего положено было неоткуда. Но признаться в этом Гоша не мог. Он сказал Яшке, что сейчас принесёт всё сполна, и поплёлся домой.

Мелкие деньги хранились на буфете под кружевной салфет-

кой. Гоша частенько заглядывал под неё. Но на сегодня такой вариант не подходил. Под салфетку хорошо заглядывать, когда, никого нет дома. Оставалось одно: просить у мамы. Придумать какую-нибудь историю и просить.

Мама лежала на бабушкиной кровати, но уже в очках и без полотенца на голове. Про Риту, которую Гоша неожиданно встретил на улице и которой давным-давно задолжал семьдесят шесть копеек, она не поверила. Гоша кланчил деньги очень старательно, и по щекам у него катились настоящие слёзы.

— Да, — ныл он, — мы уедем, а я так и останусь ей должен. Рита мне тетради покупала и ещё заплатила за меня, когда на подарок учительнице собирали.

— На какой еще подарок? — не выдержала мама. — Господи, да что же это такое в конце концов?

Но на пятьдесят копеек мама всё же расщедрилась.

По дороге на лестницу Гоша прихватил в кухне литровую бутылку из-под молока. Сдать — пожалуйста, ещё двадцать копеек.

Однако Яшка от бутылки отказался.

— Дарю её тебе, — презрительно дёрнул он сплюснутым носом. — В память о нашей встрече. Про кладбище не забывай. И учти: мне терять нечего. Я даже в колонии был. Приветик горячий с кисточкой.

КТО ВИДИТ НАСКВОЗЬ?

Шофёр вытянул правую ногу и нажал на стартёр. Мотор немного поворчал и завёлся.

— Поднимите стекло, — сказала мама, — ребёнку душно.

Ребёнку совершенно не душно. Ребёнок хотел устроиться в кузове, но мама втиснула его между собой и шофёром.

Судя по сборам, Гоша думал, что они поедут куда-то на край света. Иначе зачем так тщательно и целую неделю упаковывать узлы и чемоданы? Но проехали всего минут десять, и грузовик остановился.

— Здесь, — сказала мама. — Никуда не отходи и смотри за вещами.

Новенькие пятиэтажные дома стояли прямо на болоте. Чёрных лестниц в них не было, были только парадные. С многочисленных балконов весело подмигивали разноцветные ящики для цветов. В болоте, между рыжими кочками и зелёными кустиками осоки, торчали железобетонные перекрытия, балки, доски, исковерканные трубы. Над отбитым краем бетонной плиты дымным облачком вилась мошкара.

— Все получают нормальные квартиры, — сказала мама, — а мы по твоей милости должны жить в этом вонючем болоте.

«По твоей милости» относилось к папе. Папа ответил, что если маме здесь не нравится, то они могут остаться в старой квартире, а сюда переселится бабушка.

— Демагогия, — отрезала

мама. — Я по гроб сыта твоей коммунальной квартирой и милыми соседями. Но только такому, как ты, могли предложить эту дыру.

— Через пару лет здесь будет лучший район в городе, — сказал папа.

— Через пару! Я хочу сейчас жить по-человечески.

Гоша наострил уши. Кажется, намечался интересный разговор. Но папа не поддерживал разговора. Он не любил беседовать на улице. Папа вздохнул, кинул на плечо тук и потащил его в дом.

Между двумя соседними корпусами, которые ещё достраивались, виднелась невысокая железнодорожная насыпь. За ней поднимался лес.

— Запомни раз и навсегда, — сказала мама, — чтобы к железной дороге близко не подходил. И к лесу. Слышал?

— Да, мамуся, — кивнул Гоша.

Дюжие дяденьки сгружали на асфальт зеркальный трельяж. Рядом крутился длинный и тощий мальчишка.

— Это же не лес, — вставил мальчишка. — Это парк Удельнинский.

Оттопыренные уши и полуоткрытый рот придавали мальчишке глуповатый вид. Кроме того, он поминутно поддегивал и без того короткие брюки. Делал он это довольно интересно: дрыгал коленкой, извивался и, елозя локтём по боку, подтягивал им штаны.

— А тебя не спрашивают, — сказала мама. — Что ты здесь делаешь?

— Как что? — удивился мальчишка. — Живу.

— Вот и ступай отсюда. Нечего тереться у чужих вещей.

Мальчишка поддернул брюки, почесал плечом оттопыренное ухо и спросил:

— Как у чужих?

— Господи, — вздохнула мама и закатила глаза.

Звали мальчишку Петей. Он таскал с собой дощечку от ящика из-под яблок и выискивал желающих поиграть в чижика.

— Гоша, никаких чижиков, — сказала мама, сопровождая в подъезд два последних стула. — Ты меня понял? Иначе сейчас же пойдёшь домой.

Гоша понимал маму с одного слова, даже с одного взгляда. Маме нравились дети только из интеллигентных семей. Дети, которые ходят с откры-

тыми ртами, поддерживают штаны и лезут в чужие разговоры, ей не нравились.

Когда за мамой захлопнулась дверь, Петя дрыгнул коленкой и спросил:

— Чего это она?

— Нервная система у неё, — пояснил Гоша.

...Парк за железной дорогой встретил ребят прохладой. Он был так стар и запущен, что и вправду походил на лес. Петя шагал впереди по тропинке и размахивал длинными руками.

— Знаешь, я какую полянку выискал! В самой гуще. Туда никто и не ходит. Играй сколько влезет.

С полянки, на которую никто не ходит, доносились голоса. Петя раздвинул кусты и проворчал:

— И сюда их уже принесло.

У развесистого дуба стояла девочка с толстой до пояса косой. Под мышкой она держала завернутую в газету книгу. Из дупла, как из окошка, выглядывал мальчишка и что-то говорил.

— Тоже из нашего дома, — шепнул Петя. — Задавалы оба. Особенно вон тот, Денис. Ему бы покомандовать только.

Увидев Петю, Денис поманил его пальцем.

— Хорошо, что ты пришёл. Ты мне нужен. Иди сюда.

— Видал, — фыркнул Петя, — я ему уже нужен. А как я его просил в чижика поиграть, так я ему не нужен был.

Губы на широкоскулом лице Дениса сжались в упрямую струнку.

— Иди сюда, — повторил он.

Петя подошёл к дубу и спросил:

— Чего тебе?

— Идея есть, — сказал Денис. — Будем играть в настоящую игру. В партизан. Здесь оборудуем штаб. Кто это с тобой?

Петя оглянулся:

— Гоша это.

— Его тоже возьмём. Радиостом. Оля будет разведчицей. Ты — фрицем.

— А ты командиром, конечно, — подсказал Петя.

— Командира мы выберем.

— Выберем! Ты уже всех повыбирал. Меня так фрицем, а себя командиром.

— Соображать нужно, — холодно произнёс Денис. — Фрицы были длинные и худые.

— Всекие были, — надулся Петя. — И такие, как ты, тоже были.

— Это какие?

— Такие.

— Какие такие?

— Вредные, — отрезал Петя.

— Соображаешь, что говоришь?

— А ты?

— Получишь сейчас, — пригрозил Денис.

— Попробуй.

— И получишь.

Высунувшись по пояс из дупла, Денис чеканил слова спокойно и твёрдо. Петя кипятился и кричал.

— Мальчишки, — уговаривала их Оля. — Ну что вы опять ссоритесь? Прямо слушать противно.

Когда Денис выпрыгнул из дупла, Петя сразу приутих.

— Чего ты вообще к нам прицепился? — миролюбиво сказал он. — Мы в чижики пришли играть и тебя не трогали.

Но игра всё равно не получилась. Чижик как назло улетал то в кусты, то в густую траву. А под дубом сидел Денис и бросал ехидные реплики.

— Как младенцы, — хмыкал он. — Вы бы ещё в кубики и паровозики поигрались.

Петя сопел, но держался.

Чижик улетел в кусты. Царапая руки, Гоша с трудом разыскал его среди колючих стеблей. Играть ему уже надоело. Но уходить тоже не хотелось.

Прищулив глаз, Гоша нацелился в квадрат, начерченный на вытоптанном клочке земли. Петя помахивал дощечкой. Чижик не долетел до квадрата. Дощечка мелькнула в воздухе, раздался щелчок, и, взвизываясь пропеллером, чижики глухо стукнул в ствол дуба. Он стукнул как раз рядом с Денисом, который едва успел отвести голову.

— Специально в меня целил? — проговорил Денис.

Петя подтянул локтём штаны.

— Почему специально? Со всем даже нечаянно.

— Врёшь.

— Чего мне врать?

— Того. Я тебя насквозь вижу.

— Как насквозь? — удивился Петя.

Пока они спорили, Гоша сел на траву рядом с Олей. Он во-

обще больше любил дружить с девочками, чем с мальчиками.

— Чудаки они, — сказала Оля, подняв задумчивые глаза. — Как встретятся, так ругаются.

— Интересная? — спросил Гоша, кивнув на книгу.

— Ага, очень, — ответила Оля. — «Таинственный остров» называется.

Когда-то у Гоши тоже была такая книга. Он отдал её за елизаветинский рубль Марику Селютину. Тому самому Марику, который всё время подлизывался к Рите. Он ей на каждом уроке записочки писал. А она на него внимания не обращала. Она считалась самой красивой девочкой в классе и самой умной. Что ей был Марик? Она «Анну Каренину» прочла и всё ахала. «Ах, какой образ! Ах, какая женщина! Я, когда вырасту, стану, как она». Чтобы узнать, какой Рита станет, когда вырастет, Гоша тоже засел за «Анну Каренину». Но осилить больше пяти страниц он не смог.

— «Таинственный остров» Жюль Верн написал, — сказал Гоша. — У меня была такая книга.

— Ага, Жюль Верн, — согласилась Оля.

Она теребила на груди кончик косы. Солнечные пятна, пробиваясь сквозь листву, гладили Олину голову и плечи. Где-то в ветвях щебетали птицы. Над малиновым полыханием иван-чая гудели шмели. И то ли от солнечных пятен,

то ли от птичьего щебетанья, но Гоше вдруг подумалось, что Оля в сто раз красивее Риты. Даже в тысячу!

— Я этот «Таинственный остров» ещё в третьем классе прочёл, — небрежно проговорил он. — А сейчас я Львом Толстым увлекаюсь.

— Толстым? — спросила она.

— Конечно.

— А ты в какой класс перешёл?

— В седьмой.

— И я в седьмой, — сказала Оля. — Но я у Толстого только «Детство» читала.

Гоша не читал и «Детства».

— Это для маленьких, — махнул он рукой. — Вот «Анна Каренина» — это да. Ты читала «Анну Каренину»?

— Нет.

— Много потеряла. Очень сильная вещь.

Оля слушала Гошу внимательно и строго. У неё даже глаза стали чуточку больше.

А Денис с Петей продолжал свои.

— Соображать нужно, — объяснял Денис. — Феликс Дзержинский каждого человека насквозь видел. Он сразу определял, кто честный, а кто нет. Кто никогда не обманывает, тот других насквозь видит.

— Вот, значит, ты и есть вун, — сделал вывод Петя.

— Почему это? — удивился Денис.

— Потому, что я в тебя чижиком случайно пусканул.

— Нет, нарочно.

— Нет, случайно, — твердил Петя. — Я никогда не обманываю.

— Никогда?

— Никогда.

— А если проверить?

— Как это ты проверишь?

Денис повернулся к Оле:

— Оля, а ты когда-нибудь обманывала?

— Нет, наверное, — покачала головой Оля.

Денис посмотрел на Гошу:

— А ты?

— Я? — сказал Гоша. — Нет.

— Есть идея, — произнёс Денис. — Мы пойдём в самое такое место, где больше всего жуликов, и проверим себя. Мы будем смотреть. Тот из нас, кто честный, тот увидит жулика. А кто нечестный, не увидит.

— Где же это такое место есть? — поинтересовалась Оля.

— В тюрьме, — фыркнул Гоша.

Денис нахмурился.

— Над этим вопросом я ещё подумаю, — пообещал он.

(Продолжение следует)

МУКИ ОТ СКУКИ

Мама
на работе.
На работе
тётя.
Только дети дома,
То есть я и Тома.

Очень надоело
Нам сидеть без дела,
Путаться, слоняться...
Чем бы нам заняться?

Дал я Томке,
Так, слегка,
Два коротеньких тычка.
Получил в ответ —
Четыре.
Получился
Шум в квартире.

Тётушкины блюдца
Попáдали с полки.
Эти блюдца бьются
На мелкие осколки.

В это время мама с тётей
Возвратились, как назло.
Поглядели мама с тётей:
Всюду битое стекло.
Тётя, густо покраснев,
На меня излила гнев:
Я — разбойник! Я — злодей!
От злодея нет спасенья!
У людей, как у людей,
А у нас — землетрясенье!
Томочка не виновата:
Муки терпит из-за брата.

Я стоял в углу один.
Из угла не выходил.
Я один страдал...
Но Томка,
Полслезинки оброня,
Заявила очень громко:
— Ставьте в угол и меня!

И стоим мы
По углам.
Делим муки
Пополам.

Рассказ о страхе

НА ПОКОСИВШЕМСЯ столбике, возле которого я остановился, была написана побледневшая от времени цифра «8». Значит, до базы мне ещё предстояло идти и идти.

В темноте дорога казалась белой, словно её мелом вымазали. Следami каких-то таинственных зверей чернели плоские кустики подорожника. Дальше дорога растворялась в тумане. Метрах в десяти уже ничего не было видно. Тёмные валы леса грозно надвигались с двух сторон на белую полосу. Казалось, что стóит им сделать только шаг и они растопчут дорогу.

Густая тишина нарушалась только монотонным гудением телеграфных проводов, да иногда из лесных валов раздавался робкий шорох листьев или пронзительный крик совы. Каждый раз это было так неожиданно и громко, что я невольно вздрагивал.

Было что-то неприятное вокруг. Туманная ночь... Призрачный, насупившийся лес... Старая дорога, покрытая подорожником... И ещё этот крик! Наверное, я просто крепко устал. Вот и казалось всё чужим, неприветливым. Хотелось спать, а тут шагай да шагай.

Неожиданно откуда-то сзади донёсся новый звук. Таинственный и странный, не похожий на крик совы и шорох листьев. Звук был какой-то особый: словно на пол упала лампочка и разбилась. Я невольно насторожился.

— Что бы это могло быть? Интерес... — Я не успел договорить. Последнее слово замерло у меня в горле: где-то уже совсем близко снова грохнула лампочка.

Я выпрыгнул на середину дороги и замер, оглядываясь вокруг. Почему-то казалось, что за каждым моим движением кто-то следит. Пристально и злобно.

Память услужливо выдвинула из своих глубин целый короб различных вычитанных и услышанных «страшных» историй. Мрачные, ободранные медведи, молниеносные в своих прыжках рыси, бешеные желтоглазые волки, нападающие на уставших путников, — всё пронеслось в голове диким хором дом.

Снова лопнула лампочка. Ну, уже в другом месте. Окружают?.. Отрезают дорогу назад?.. Ерунда! Это шишка. Обыкновенная кедровая шишка. Взяла и упала.

Но убеждать себя становилось всё труднее. Мне вдруг показалось, что тёмный бесформенный кусок леса сдвинулся с места и чуть заметно стал приближаться к дороге.

И тут я побежал. Побежал, оглядываясь и приговаривая в такт шагам:

— На-до со-греть-ся! На-до со-греть-ся!..

Скоро я выдохся и снова перешёл на шаг. Стало как-то поспокойнее, и я даже начал раздумывать: чего это я испугался?.. Но тут снова лопнула лампочка, и я опять прибавил ходу.

Бег мой закончился неожиданно: нога провалилась в какую-то яму, и я брякнулся со всего маху в мокрую траву. Кряхтя, сел. Вытер пот.

И вот тут началось самое

страшное. Я взглянул на обочину дороги и почувствовал, как у меня начинают шевелиться волосы. «Вот теперь не убежишь», — проползло в голове,

У обочины дороги сидел огромный медведь, лохматый и угловатый. Две точки глаз сумрачно и туманно поблескивали, уставившись на меня.

Стало тихо.

Ни я, ни медведь не шевелились.

Вдруг хлопнуло сразу в нескольких местах по обеим сторонам дороги. Медведь не шевельнулся.

Шишки! Конечно, это шишки! Медведю они что!.. Он привык. Ноль внимания.

Я усмехнулся. И странное дело: перед лицом настоящей опасности страх, гнавший меня не один километр, вдруг пропал.

Я встал и вытащил нож.

Медведь не шевелился.

— Ну, чего ждёшь?! — крикнул я в его сторону.

Но зверюга даже ухом не повёл. Он сидел в той же позе, и уши, длинные, остро согнутые на разной высоте, мирно торчали над клочкастой, квадратной головой.

«Странные у него уши? Почему такие?» — Я стал вглядываться пристальнее. Потом сделал ещё шаг...

И захохотал!

Потом я схватил зверюгу

за ухо. Оно хрустнуло и осталось у меня в руке.

«Медведь» оказался вывороченным из земли пнём. Он так походил на сидящего зверя, что, если бы не эти странные «уши», я бы ни за что не понял этой подделки природы. Даже глаза были у этого мёртвого куска дерева: два кусочка слюды попали в морщины коры и поблескивали живым, тёплым светом.

Покури́в у обочи́ны, я пошёл дальше.

Идти стало совсем легко и спокойно. Страх исчез, растворился, и хотя звуки лопающихся лампочек ещё повторялись в тёмных лесных валах, меня они больше не интересовали.

Вскоре я вышел к реке. Она текла по широкой поляне, покрытой лишь редкими деревьями и взъерошенными кустами. Закрыв глаза, я представил себе карту, висевшую на стене кабинета старшего геолога партии, и решил срезать путь. Вдоль берега дорога должна быть короче.

После пережитого мне уже всё было нипочём, и я свернул с дороги в высокую мокрую траву. Она мягко шелестела от лёгкого ветерка, тот же ветерок немного разорвал пелену тумана и гнал её от реки к лесу, где этот холодный пар, запутавшись в ветвях деревьев, мог наконец остановиться.

Вода звенела упруго и сочно, как струя из водопроводного крана.

У камня, притаившегося

возле самого берега под кряжистой сосной, я решил передохнуть. Не доходя до него метров пять, я с удивлением увидел, что он тоже страшно напоминает медведя. Прямо какая-то медвежья ночь! Этот не сидел, наострив уши, а лежал, спал вроде.

Я остановился и усмехнулся: пень меня испугал, но уж камню это сделать не удастся, дудки! Сняв свой рюкзак с образцами, я размахнулся и кинул его на камень. Рюкзак не долетел и гулко шлёпнулся об землю.

Во всём дальнейшем я разобрался с трудом.

«Камень» взревел диким воем. Казалось, от этого рёва расколется небо. Я упал на землю и закрыл голову руками.

«Камень» отскочил метров на пять от своего места, завертелся по поляне и с какими-то жалобно-испуганными стонами кинулся к лесу.

Когда стоны стихли, я подхватил рюкзак и припустил к базе.

УТРОМ мы пошли туда.

«Камень» оказался огромным медведем с золотистой шкурой. Он мог бы раздавить меня одной лапой, но вместо этого он лежал под кустом, метрах в десяти от своей ночной лежанки, широко раскинув эти самые лапы. Он умер от разрыва сердца.

Теперь его шкура висит над моей кроватью.

Когда её снимали, то в одном месте случайно проткну-

ли ножом. Из-за этой дыры я сначала хотел изобразить себя героем и всю дорогу до Ленинграда придумывал рассказ о том, как боролся с лесным великаном и как нанёс ему единственный смертельный удар ножом.

Рассказ-то такой я придумал, да не воспользовался им. Стыдно, конечно, признаваться в своём страхе перед

стуком падающих шишек, но ведь—было... И я не стыжусь своего страха. У меня не разорвалось сердце при встрече с медведем. А вот такой огромный зверь — умер. Выходит, человек всё же сильнее медведя. Даже без оружия, один на один. Человек свой страх победить может. А вот у медведя—не получилось...

С о м и Ё р ш

ЭСТОНСКАЯ СКАЗКА

ДАВНО это было. Жил в озере Пэйпси Сом. И вот услышал однажды Сом, будто в соседнем озере Выртс больше еды. И отправился он в это озеро. В устье реки Эмайыги попался ему на встречу Ёрш. Сом спрашивает Ёрша:

— А правду говорят, что здесь у вас еды вдоволь?

Задумался Ёрш: «Вот будет эдакая рыбища жить в нашем озере... Всё она тут поест, — что же нам, мелким рыбёшкам, останется? Уговорю-ка я его вернуться во-свояси».

Отвечает Ёрш Сому:

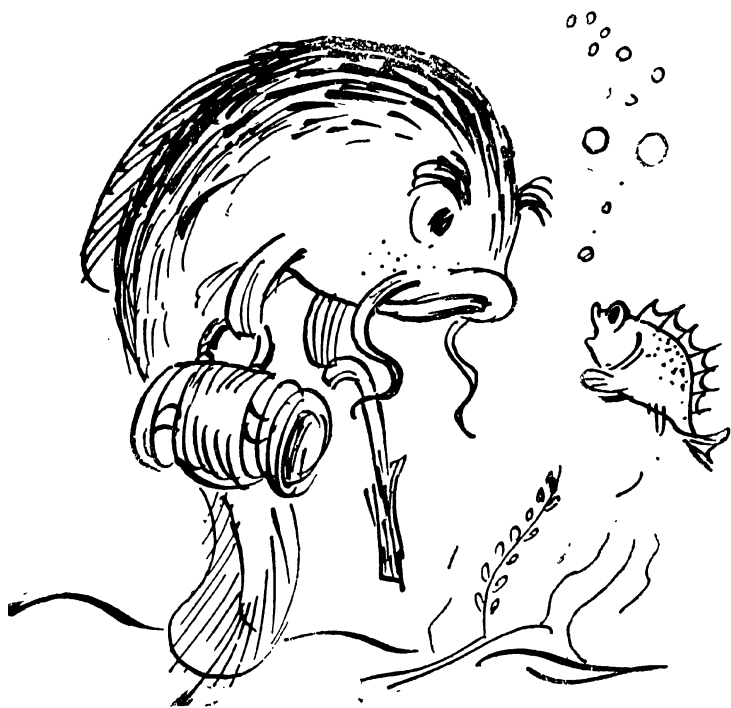
— Когда я несколько лет назад поселился здесь, я был таким же большим и толстым, как ты. А теперь.. Видишь, каким маленьким и костлявым я тут стал.

Выслушал это Сом и решил:

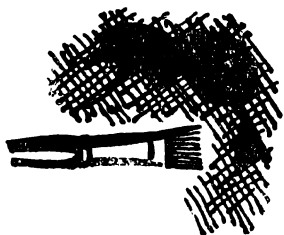
— Нечего мне тут оставаться, — и повернул обратно в озеро Пэйпси.

И по сей день нет рыбы-сома в Выртс-озере. А ерши плавают себе и в озере Пэйпси, и в озере Выртс, и везде они маленькие и костлявые.

Перевели с эстонского
В. МАЗО, Х. ХОЛЫМ

Хранители красоты

Секрет

«золотых дел мастера»

Осенью 1880 года в Петербурге произошло чудо. Чтобы увидеть это чудо, к помещению Общества поощрения художеств на Большой Морской улице — теперь улица Герцена, 38, — стекались толпы людей. Длинным хвостом очередь тянулась по лестнице, по обеим сторонам тротуара. Кареты теснились сплошной вереницей от самого подъезда до Невского проспекта и дальше — до улицы Гоголя. Ждали часами. Время от времени на лестницу выходил творец чуда, крепкий широкогрудый человек с огромной копной вьющихся чёрных волос до плеч. Это был художник Архип Иванович Куинджи. Немного растерянный, взволнованный, он старался навести хоть какой-нибудь порядок, разбивал ожидающих на группы, успокаивал нетерпеливых.

В те дни весь Петербург только и говорил о выставке, которую устроил Куинджи. Выставка произведений художника-пейзажиста была в те времена событием необычным. А Куинджи отважился выставить одну-единственную картину. Это было невиданным и неслыханным делом. Первые посетители пришли просто из любопытства. Но потом...

В небольшом зале висела картина «Ночь на Днепре». Тот, кто хоть раз увидел это удивительное полотно, навсегда запомнил зеленую ленту реки, живую рябь воды, волшебный свет луны. Поражённым зрителям казалось, что они чувствуют на лице дуновение ветра, слышат тихий плеск волн, видят, как движутся белёсые клубы тумана...

Не было ни одной газеты в столице, которая не посвятила бы картине и её автору нескольких восторженных статей. Писали не только критики и журналисты. Писали чиновники, поэты, студенты, учёные. Даже великий химик Менделеев откликнулся на это событие. А в одной газете кроме рецензий была напечатана передовая статья, в которой говорилось: «Картина эта — невиданное ещё никогда могущество красок. Впечатление от неё решительно волшебное, это не картина, а сама жизнь... Такой картины нет в целом мире...»

Слово «куинджи» в переводе с татарского языка означает «золотых дел мастер». Художник оправдал свою фамилию. А в те дни жители Петербурга наделили его множеством новых титулов. Одни называли его гением, другие — колдуном, третьи — фокусником... Да, многие люди считали, что Куинджи просто дурачит их. Они верили, что в холсте проделана дырка, за которой кроется лампочка и светит вместо нарисованной луны так, словно это луна настоящая. Даже некоторые собратья по искусству ломали головы и строили самые невероятные предположения, чтобы разгадать «секрет» Куинджи. Художник Орловский, встретив однажды Архипа Ивановича в Академии художеств, тайно помянул его в свою мастерскую,

подвёл к окну и подал ему зелёное стекло.

— Зачем это? — недоумевал Куинджи.

— Не хитрите, — торжествовал Орловский. — Я всё понял! Вы пишете природу через цветные стёкла...

Орловский и некоторые другие художники не понимали, что главный «секрет» Куинджи — его огромный талант, умение увидеть, почувствовать и передать на холсте то, что другим не под силу.

И всё-таки коллеги, называвшие Архипа Ивановича колдуном, кое в чём были правы. Куинджи годами «колдовал» над красками, искал и находил новые сочетания. Эти-то поиски во многом принесли автору шумную славу, а его произведениям — страшную беду в будущем...

Ещё в те дни, когда все петербургские ценители искусства ломались на выставку Куинджи, знаменитый художник, глава передвижников Иван Николаевич Крамской писал: «Меня занимает следующая мысль: долговечна ли та комбинация красок, которую открыл художник? Быть может, Куинджи соединял вместе краски... которые находятся в природном антагонизме* между собой и по истечении известного времени или потухнут, или изменятся и разложатся до того, что потомки будут пожимать плечами в недоумении: от чего приходили в восторг добродушные зрители?»

Шли годы, и опасения Крамского начали сбываться. Картины Куинджи катастрофически темнели. Постепенно всё больше и больше зеленоватый лунный свет на глади реки, багровые отблески заката на белых стенах украинских мазанок, золотые солнечные лучи на стволах берёз угасали. В слое красок происходили какие-то изменения под воздействием химических реакций. Изображение на них сделалось едва различимым. Почти все-

му наследию замечательного мастера грозила гибель.

Как спасти полотна Куинджи? Их судьба взволновала всех любителей искусства. Известные всему миру картины надолго исчезали со своих мест в залах музеев. Теперь над ними «колдовали» реставраторы, учёные. И картины возвратились на свои места. Но угроза не миновала. Полотна Куинджи ещё «больны» и всё время находятся под пристальным наблюдением. Правда, им пока ещё не удалось полностью вернуть прежний облик. Специалистам ещё предстоит найти главную причину этой беды. Виноваты ли недоброкачественные материалы? Или, как считал Крамской, всё дело в противостественном сочетании красок? Это покажут химические исследования. У специалистов впереди много работы, споров, опытов. Но мы, посетители музеев, сегодня можем любоваться гениальными произведениями искусства, можем видеть мир глазами Куинджи, который обладал великим секретом таланта. И спасибо за это счастье надо сказать научным сотрудникам музея, их знаниям, труду, мастерству.

Незаметные волшебники

Мы часами ходим по музейным залам, встречаемся с произведениями любимых художников, узнаём новые для себя имена. И, честно говоря, в эти часы совсем не задумываемся о том, как попали сюда сотни экспонатов, кто собирает и хранит их, кто узнаёт

* Антагонизм — непримиримое противоречие,

их биографии, кто размещает на стенах и в витринах произведения искусства.

Всё это и многое другое делают для нас научные сотрудники художественных музеев. В их работе нет мелочей. Вот, казалось бы, пустяк—развесить картины. А как развесить? Вертикально или под углом? В каком соседстве друг с другом? Какого цвета должны быть стены? Какие требуются рамы?

Нет, это не пустяки...

В 1907 году Василий Иванович Суриков закончил своё огромное полотно «Степан Разин». Картину привезли на выставку, подобрали для неё тяжёлую золочёную раму, поместили в отдельной комнате. Здесь, в новой обстановке, автор увидел своё детище как бы другими глазами. Увидел и остался недоволен.

— Не то, не то, — огорчённо твердил Суриков. — А почему? Ведь в мастерской всё было хорошо...

Мелькнула догадка:

— Рама виновата! Она слишком светла, позолота сливается с закатом солнца на холсте.

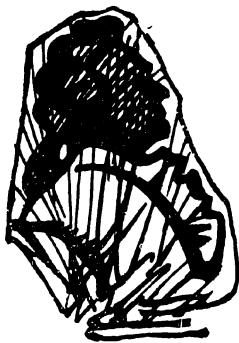
Раму перекрасили в тёмную бронзу. И картина сразу выиграла, ожила. Но Суриков всё ещё не удовлетворился. Стена тоже слишком светла. Это разрушает впечатление от вечернего неба.

Вызвали маляра. Он перекрасил стены. Но теперь они получились слишком тёмными! Пришлось перекрашивать снова, а потом — ещё раз. В конце концов художник и маляр поссорились. Суриков сыпал в ведро с краской мел, а маляр — сажу...

В тот раз, несмотря на все старания, для «Степана Разина» так и не удалось подобрать подходящей обстановки. Теперь вы понимаете, как это нелегко — развесить картины? А ведь у научных сотрудников музея есть обязанности и посложнее.

Художников и скульпторов часто называют волшебниками кисти, резца, карандаша. Люди, кото-

рые хранят созданную художниками красоту, тоже волшебники. Только мы, как правило, даже не знаем их имён. Они действуют незаметно для нас. Из тех, кто работает в музее, мы обычно встречаемся только с пожилыми смотрительницами залов да с экскурсоводами, всегда окружёнными толпой. А научные сотрудники? В одном Русском музее их — около ста. Чем они заняты? Вот и пойдём к ним, туда, где нет привычных стрелок-указателей «Продолжение осмотра»...

Вельможи в полиэтилене

Экспозиция Русского музея занимает около 120 залов. Но в них находится лишь очень малая часть сокровищ музея. Выставить всё просто невозможно. У каждого музея кроме действующей экспозиции есть запасники, или фонды. Там и хранятся остальные богатства.

Если в фонды Русского музея придёт посторонний человек, он будет потрясён, а может быть, в первую минуту даже испуган. Действительно, становится немного не по себе, когда в просторном зале встречаешься с толпой каких-то странных фигур, одетых в прозрачные балахоны. Нет, это не пришельцы из космоса и не ожившие сказочные герои. Это обыкновенные скульптуры из гипса, мрамора и бронзы, только завернутые в полиэтилен.

Но зачем их так нарядили? А просто для того, чтобы на скульптуры не попадала пыль — лютый враг музейных экспонатов.

Бот, например, гипсовый бюст вельможи екатерининских времён в парике и пышном камзоле с кружевным воротником. Этот надменный царедворец, простоявший несколько лет без полиэтиленового костюма, совершенно чёрен. В складки лица и одежды въелась копоть.

Вот что делает пыль. Конечно, её аккуратно смахивают, но часть пылинок входит в поры гипса, и скульптуры темнеют. Кроме того, пыль притягивает влагу, и на поверхности скульптуры образуются щелочные и кислотные растворы, которые разъедают любой материал.

Из-за пыли и приходится хранить скульптуры в чехлах. Раньше их делали из холста или бумаги. Но такие чехлы неудобны. Чтобы увидеть скульптуры, приходилось каждый раз их разворачивать. Новый материал, подарок химиков, пришёлся работникам музеев как нельзя кстати. Во-первых, полиэтилен прозрачен. Во-вторых, не впитывает влагу. В-третьих, не боится плесени и бактерий. В-четвёртых, лёгок. В-пятых, поверхность у него гладкая, она не царапает скульптуры.

Море упаковано в конверт

Пыль атакует не только скульптуры. Не щадит она и живопись. Время от времени картины промы-

вают, и тогда особенно бросается в глаза, что они покрыты сплошным серым налётом. Пыль гасит краски, делает картины однотонными, искажает наше представление о них. Что делать? Мыть как можно чаще? Пыли не будет. Но и картин тоже не будет. Останутся в конце концов одни голые холсты.

У произведений живописцев есть и другой враг, не менее опасный...

В 1961 году в Русском музее открылась большая выставка картин одного из самых любимых в нашей стране художников — Исаака Ильича Левитана. Эту выставку, как праздника, ждали тысячи ленинградцев. Ведь кроме картин, постоянно «прописанных» в Ленинграде, сюда привезли полотна из многих музеев Советского Союза.

Выставку открыли. Мгновенно в залах стало тесно — столько любителей искусства торопилось поскорее встретиться с творчеством Левитана. Прошло часа полтора. И вдруг в кабинете главного хранителя музея раздался тревожный звонок телефона. Евгений Константинович Кролау бросился на выставку, пробился сквозь плотную толпу посетителей и увидел, что картина «Золотой плёс», принадлежащая Третьяковской галерее, вся покрылась волнами (специалисты называют их фалдами). Ещё совсем недавно полотно было идеально натянуто, а теперь оно напоминало бурю на море...

Картину немедленно унесли с выставки. Стали искать причину беды. Может, всему виной разрывы в слое краски? Нет, никаких разрывов не обнаружили. Почему же картина повела себя так неожиданно?

Пока спорили и гадали — новый сюрприз: холст сам по себе разгладился, и от морщин не осталось никакого следа. На следующий день «Золотой плёс» вернулся на выставку. И снова повторилось то же самое: в 11 часов перед посетителями раскрылись двери выставки,

в 13 часов картину покрыли складки, в 13 часов они исчезли. А на третий день прекрасное творение Левитана больше не заставляло хранителей музея так волноваться. Они уже знали причину необычного поведения картины и прикрыли её тыльную сторону куском обыкновенного полиэтилена.

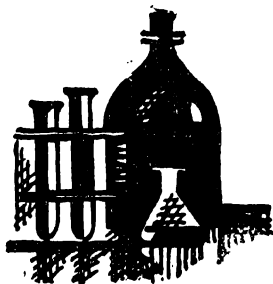
Всё дело в том, что человек дышит. А когда он дышит, то вместе с воздухом выдыхает пары воды. Если же в комнате одновременно находятся сто человек, то воздух становится влажным. А на выставку Левитана ежедневно в течение нескольких часов приходили 8—10 тысяч любителей искусства. От их дыхания влажность воздуха совершала огромные скачки, и в зависимости от этих скачков холст то впитывал влагу, то высыхал, то растягивался, то сжимался.

Тогда-то в Русском музее и решили упаковать все картины в специальные конверты. Лицевую сторону их закрыли стеклом, а тыльную — картоном, дерматином или коленкором. Это и есть конверт, который защищает сразу и от пыли, и от влаги. Для этого потребовались многие сотни квадратных метров различных материалов и лучшего в нашей стране стекла, которое умеют делать только эстонские рабочие. Правда, и это стекло не лишено недостатков...

Однажды в музее недовольно ворчал какой-то солидный дядя:

— Безобразие! Я пришёл сюда не для того, чтобы увидеть вместо картин своё отражение. Для этого у меня дома зеркало есть...

Он по-своему прав, этот сердитый гражданин. Когда-нибудь картины покроют вместо обычного особым небликующим и абсолютно прозрачным стеклом. А пока придётся мириться с небольшими неудобствами и искажениями. Зато моря и горы, луга и рощи, люди и животные, спрятанные в конверты, остаются такими же, какими их когда-то изобразил художник.

Они болеют молча

Музейные экспонаты, с какими бы предосторожностями их ни хранили, испытывают на себе удары времени. С годами они дряхлеют, заболевают. Рассыпается холст, красочный слой трескается, желтеет бумага, выцветает акварель... Но ведь всё, что находится в музеях, — это неповторимые сокровища, которым нет цены, это гордость нашего народа, всего человечества. Сменяются людские поколения, но каждому из них дороги эти сокровища. Как же мы, сегодняшние жители Земли, можем обездолить наших далеких потомков! И работники музеев сохраняют красоту, чего бы это ни стоило.

На старых картинах лак, покрывающий слой краски, постепенно желтеет. В результате искажаются тона, картины становятся тёмными. Значит, надо удалить старый лак. Это возможно только с помощью сильных растворителей, а они губят и краску. С такой трудностью столкнулась старший реставратор Государственной центральной художественной реставрационной мастерской в Москве Н. А. Маренникова. Ей поручили расчистить портрет, созданный замечательным русским художником XVIII века Рокотовым. Чтобы не повредить краску, реставратору пришлось удалять лак постепенно и равномерно, слой за слоем. Но о каких «слоях» может идти речь, если вся толщина лаковой плёнки измеряется долями миллиметра? Это, пожалуй, потруднее, чем подковать блоху, как это сделал ле-

сковский Левша. Однако Н. А. Маренникова не только сняла лак, но и сумела оставить на поверхности картины тончайшую, неразличимую глазом плёнку, чтобы при реставрации не попортить авторскую живопись.

В той же центральной мастерской реставраторам пришлось изрядно помучиться с полотнами Айвазовского. У них обнаружилась общая беда: кракелюр, то есть трещины в слое краски. Мало того, что они мешают смотреть картину. Главное, они могут её разрушить. Потрескавшаяся картина может жить в таком состоянии десятилетиями. Но стоит хотя бы немножко измениться температуре в помещении, стоит просто перенести полотно в другое место, и красочный слой начинает крошиться, осыпаться.

В таких случаях края трещин выравнивают специальными размягчителями. Если это не помогает, приходится прибегать к более сложной операции — дублированию. Полотно пропитывают рыбьим клеем, наклеивают его на второй холст и проглаживают тёплым утюгом. Но бывает, что и этого оказывается мало. Тогда реставраторы берутся за самую сложную операцию — переводят картину на новый холст.

В таких редких случаях даже выдавшие виды люди волнуются. Шутка ли — отделить краску от старого холста и наклеить её на новый! Малейшая неосторожность, и драгоценное произведение искусства превратится в бесформенные лохмотья красок и ткани... Учёные, изобретатели могут потратить годы на какой-нибудь сложный эксперимент, а потом признать его неудавшимся. Реставратор не может этого сделать. Он не имеет права на ошибку и обязан действовать только наверняка.

И. М. Тихомирова запомнит на всю жизнь, как она спасала картину Айвазовского «Южная ночь» из Архангельского краеведческого музея. Сначала ей поручили дублировать холст. Но когда это зада-

Реставратор В. Г. Раскин «лечит» картину.

ние уже почти было выполнено, когда полотно лежало под утюгом, вдруг начала отставать краска. Работу немедленно прекратили. Начались исследования. И обнаружилось, что прежние, дореволюционные реставраторы, у которых эта многострадальная картина тоже побывала в руках, совершили непростительную ошибку. Они наклеили творение Айвазовского на новый холст при помощи обыкновенного гуммиарабика — растительного клея, у которого есть одна неприятная особенность: при повышении температуры он просто-напросто перестаёт быть клеем.

Тогда созрело ответственное, но единственно правильное решение: удалить старый холст и подвести новый. Для этого потребовался всё тот же рыбий клей, а ещё — специальная капроновая прокладка, и мел, и цинковые белила, и фотографирование с помощью ультрафиолетовых лучей... А потом — полтора года наблюдений и переживаний: всё ли удалось? Эта труднейшая операция проведена в 1958 году. Давно уже «Южная ночь» красуется в Архангельском музее. Жители северного города любят чарующими красками

Айвазовского и не подозревают, от какой страшной беды спасли картину золотые руки московского реставратора.

Болезни музейных экспонатов иногда бывают даже заразными. Есть, например, такой недуг — оловянная чума. Дело в том, что белое олово под влиянием температуры ниже 18 градусов по Цельсию превращается в нестойкое серое олово. Этот процесс может тянуться веками. Но если на здоровый экспонат попадёт микроскопически малая частица серого олова, процесс становится бурным. И древние чаши, украшения буквально на глазах рассыпаются в порошок. Лекарство от этой болезни простое: предмет, поражённый оловянной чумой, достаточно прокипятить, и губительный процесс прекращается. Но ведь нужно вовремя заметить опасность.

В том-то и трудность, что предметы искусства никому не жалуются на свои болезни. Они «страдают» молча.

Научные сотрудники знают множество способов, как сохранить молодость красок и холста, дерева и бумаги. У них есть закон: произведения искусства умирать не должны! Ни при каких обстоятельствах, даже самых трагических. А трагедии в тихих музейных залах хоть и редко, но происходят...

Рождённые дважды

Это случилось в конце декабря 1929 года в Русском музее. Один из посетителей (как впоследствии оказалось, душевно больной чело-

век) вдребезги разбил гипсовую скульптуру Врубеля «Голова Демона». Эта скульптура замечательного мастера была единственной. И вот она разлетелась на множество осколков...

Русский музей переживал один из самых чёрных дней своей истории. Сотрудники ходили с опущенными головами, разговаривали шёпотом. У каждого было такое чувство, словно он потерял близкого человека.

В зале Врубеля собрались несколько человек, от которых зависела судьба остатков скульптуры. Им предстояло решить, что делать с этими осколками. Признать своё бессилие? Но примириться с гибелью произведения гениального художника было невозможно. Попытаться восстановить «Голову Демона»? Но и это казалось невозможным. Сотрудники музея молчали. А на паркетном полу перед ними лежали бесформенные кусочки гипса...

— Что делать, товарищи? — прервал тягостное молчание главный хранитель. — Что же нам делать?

Кто-то потупил голову. Кто-то беспомощно развёл руками.

И вдруг:

— Скульптуру восстановить можно.

Уверенный голос всех заставил встрепенуться. Теперь все смотрели на скульптора Крестовского, одни с надеждой, другие с недоверием.

— Боже мой, это было бы счастьем. Но как вы предлагаете это сделать?

— Подумайте хорошенько, Игорь Всеволодович! Вы берётесь за безнадежное дело...

— А почему бы не попробовать? Беритесь, Крестовский! Может быть, вы способны совершить это чудо...

И Крестовский взялся. Он ясно представлял себе все трудности, всю ответственность этой небывалой работы. Его решение — не просто дерзость, смелый вызов. У него был уже опыт в делах такого рода. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло...

Примерно за год до того, как случилась беда с «Головой Демона», Игорю Всеволодовичу поручили укрепить скульптуру известного мастера XVIII века Демут-Малиновского «Русский Сцевола». Многие знают это изображение мужественного юноши, занёсшего топор, чтобы отрубить свою руку.

Легенда рассказывает, что в наполеоновской армии солдатам-чужеземцам ставили клеймо. Однажды французы захватили молодого русского крестьянина и проделали над ним эту унижительную операцию. Но русский человек предпочёл страшные мучения позору. На глазах врагов он отрубил свою руку с ненавистным клеймом... Эта скульптура и сейчас стоит в Русском музее. Но в 1928 году она тоже была на краю гибели.

Чтобы укрепить скульптуру, Крестовский залил внутрь её гипс. Молодой скульптор, недавно окончивший Академию художеств, понятия не имел, что некоторые сорта гипса, высыхая, увеличиваются в объёме. Работа благополучно была закончена, Крестовский ушёл домой. А ночью в музее раздался оглушительный грохот, напугавший сторожей до смерти. Гипс расширился и разорвал скульптуру.

Игорь Всеволодович от отчаяния готов был провалиться сквозь землю. Но от него потребовали другого: чего бы это ни стоило, воскресить «Русского Сцевола». Крестовский вместе с помощником работал днём и ночью, почти не выходя из музея. Хуже всего было то, что уборщица успела смести осколки в одну кучу, и было очень трудно выбирать из этой кучи кусочки, подходящие один к другому. И всё же работа удалась. «Русский Сцевола» стоял в музее точно такой же, каким его создал Демут-Малиновский. Посетители музея даже не замечали трещин — так плотно были подогнаны осколки.

Эту печальную историю со счастливым концом быстро забыли. Но Крестовский забыть её не мог. И теперь прежде всего позаботился

«Голова Демона». Разве можно сказать, что эта скульптура была разбита?

о том, чтобы избежать прежней ошибки: место, где лежали осколки «Головы Демона», немедленно огородили, к кусочкам гипса никто не притронулся. Это было очень важно. У Игоря Всеволодовича созрела уверенность, что ему помогут законы физики и математики. В хаосе осколков он искал порядок. Математический порядок, по которому распределились части скульптуры в зависимости от силы и направления удара. Крестовский не рылся в учебниках и справочниках, он сам додумался, как определить, какие части скульптуры где лежат. Осколки расположились группами, вокруг одного крупного — несколько мелких. Почти все они были обращены тыльной стороной вверх. Значит, и в момент удара «Голова» была обращена затылком вверх. Закономерность была установлена. Теперь началось самое трудное...

Скульптор брал крупный осколок, по форме и окраске подбирая к нему мелкие. Так получалась группа осколков, скреплённых водоедино. А потом подгонялись друг к другу эти группы. Самые мелкие осколки с величайшей осторожностью Крестовский поднимал пинцетом, находил для них место. А всего осколков оказалось больше 600. Чтобы не смыть акварельную краску, которой была покрыта скульптура, склеивать их пришлось не гипсом с водой, а специальным составом.

Два месяца продолжался этот подвиг. И «Голова Демона» ожила. Теперь следы реставрации может заметить только человек, знающий о трагедии, которую пережила эта скульптура. Но знают о ней немногие. Ведь на табличке этого музейного экспоната ничего не говорится о том, что «Голова Демона» создана дважды: Михаилом Александровичем Врубелем и Игорем Всеволодовичем Крестовским.

Открытый-закрытый

Коллекции музеев непрерывно пополняются. Научные сотрудники совершают множество удивительных находок во время экспедиций, раскопок. Но что может быть удивительнее открытий, которые происходят внутри самих музейных зданий!

В Эрмитаже среди других картин великого фламандского художника Ван-Дейка много лет хранится портрет антверпенского врача Лазарюса Махаркейзуса. Искусствоведы уже давно заметили, что сквозь тёмное платье врача в нескольких местах просвечивает красная краска. Эти пятна по цвету совершенно не подходят к картине. Откуда же они взялись? Что они собой представляют? Долгое время эти вопросы оставались без ответа. Ведь нельзя же расковырять произведение искусства и посмотреть, что находится под верхним слоем краски...

Учёным помогли заглянуть в глубь картины рентгеновские лучи. В Эрмитаже сконструировали специальный аппарат, который позволяет делать рентгеновские

снимки каждого слоя картины. Кроме того, сотрудники музея воспользовались свойством ультрафиолетовых лучей вызывать свечение предметов, на которые они направлены. Благодаря этому свечению — люминесценции — можно узнать, какие краски использовал художник. Например, под действием ультрафиолетовых лучей свинцовые белила светятся жёлто-коричневым цветом, а цинковые белила — зеленовато-жёлтым. И ещё один помощник был у исследователей — стереомикроскоп.

В результате всех этих исследований научные сотрудники получили изображение, скрытое под портретом антверпенского врача. Они увидели сидящего человека в длинной красной одежде с белой пелериной на плечах. Знатоки творчества Ван-Дейка довольно быстро определили: это — кардинал Гвидо Бентивольо. Портрет кардинала художник написал в 1623—1626 годах, он хранится в Италии, во Флоренции. А под портретом Махаркейзуса, оказывается, «спрятан» эскиз. Три с лишним столетия известная картина Эрмитажа хранила свою тайну, и вот она разгадана! Исследователи ликовали: им удалось открыть единственный живописный эскиз Ван-Дейка, остальные наброски великого фламандца к портретам не сохранились.

Правда, открытый учёными эскиз по-прежнему закрыт портретом. Но, может быть, новые успехи науки когда-нибудь позволят извлечь его, не повредив картину. Сегодня это невозможно. А завтра... Ведь научились же научные сотрудники музеев совершать чудеса, которые совсем недавно казались невероятными!

В ЭТИХ немногих эпизодах из жизни художественных музеев рассказано лишь о том, как здесь хранят и реставрируют произведения искусства. Кроме этого, научные сотрудники музея совершают экспедиции в дальние сёла

Когда вы придёте в музей, знайте: в тихих кабинетах, лабораториях и мастерских десятки людей

Лев Ку克林

Я был давным-давно знаком
С жуком-часовщиком.
Он жил в бревенчатой
стене.

Мой незаметный друг,
И раздавался в тишине
Его негромкий стук.
Не помню я, когда он спал,
Когда он ел — не знал:
Он в доме раньше всех
вставал.

Всех позже засыпал.
Он подавал весёлый знак
В восьмом часу утра:
Часы идут, «тик-так,
тик-так»,

*И в класс идти пора!
И мне казалось иногда,
Что говорит он так:
«Нельзя лениться никогда,
Тик-так
и только так!»*

Но я уехал — и забыл,
Как дружно с ним я жил,
Как верно он меня любил,
Как честно мне служил.
Где только я ни побывал, —
С трудом припомню сам,
И всюду время узнавал
Я по ручным часам.
Я видел много разных
стран,

Лесов и городов,
Встречал слонов и обезьян,
И тигров, и китов.
И вот — опять пришёл я
в дом,

**В знакомые места.
Собаку я узнал с трудом
И не узнал кота.
Но слышу вдруг: «тик-так,
тик-так!»**

Тот голос мне знаком!
И сердце вновь забилося
в такт
С жуком-часовщиком!

Комар на арбузе

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТА

Перейдя в пятый класс, Витя стал хвалиться своими географическими познаниями. Вот я и принес ему однажды немую карту горной страны. Но какой?

— Сейчас разберёмся, — солидно сказал мальчик.

— Разберёмся... — повторил он вскоре.

Однако время шло, а юный географ всё только обещал «сейчас разобраться».

Ну, думаю, хватит его мучить, а он вдруг и говорит:

— Ты, дядя, меня не проведёшь: эта карта выдуманная, нет на всей Земле такой местности. Посмотри, сколько здесь вершин повыше Эвереста. А ущелья какие! Таких мощных горных складок не сыскать ни в Андах, ни в Гималаях, ни на Памире.

— А всё же такая страна есть, — говорю.

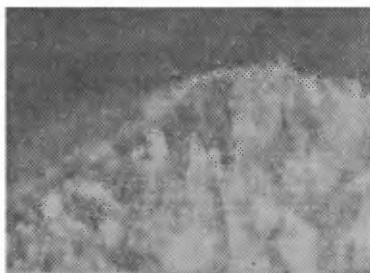
— Где? — подскочил Витя. — Может быть, на Луне или на другой планете.

— В царстве Плутона.

И пришлось мне рассказать, что это за царство и как я добыл его карту.

ПОГРЕБЁННОЕ ЦАРСТВО

Плутоном древние греки называли владыку подземного мира. Гре-

Поверхность царства Плутона, лишенная мощного покрова осадочных пород (макет).

ческие скульпторы изображали его в виде гордого старца, у ног которого сидит сторожевой трёхголовый пёс Цербер. Этот пёс любого пропустит в мрачное владение своего хозяина, зато уж обратно не выпустит.

Но что же в действительности находится глубоко под землёй?

Люди издавна стремились разведать это, чтобы добывать сокровища, каких нет на поверхности.

Ещё во времена А. С. Пушкина в домах горели свечи и лучины. Керосиновые лампы появились гораздо позже, когда начали добывать нефть. А для этого требуется бурить глубокие скважины. Техника помогает добираться и до подземных залежей каменного угля, руд, солей и многого другого.

Но ведь всё это нужно сначала найти!

И вот геологические экспедиции издавна отправлялись далеко в тайгу или в горы, рыли, бурили, замечали всё ценное, что попадалось на пути. Нелёгкий это труд, а удача зависит от счастливого случая.

Но почему же так много полезных ископаемых разведали у нас за последние годы? Советский Союз оказался богаче всех стран в мире и углём, и железом, и нефтью; хватает у нас и золота, и алмазов.

А всё потому, что геология сегодня как бы «прозрела» — в ряде случаев она заранее может судить, в каком районе и какие полезные ископаемые должны быть и даже на какой примерно глубине. Ведь месторождения нефти, руд, угля разбросаны не как попало, а встречаются только при определённых геологических условиях залегания глубинных пластов. Надо, значит, составить карту удивительной горной страны — страны мифического Плутона. Но как это сделать, если она погребена под километровыми слоями осадочных пород?

«ГЛАЗ», ПРОНИКАЮЩИЙ ПОД ЗЕМЛЮ

На карте, которую я принёс Вите, был нанесён участок Восточно-Сибирской низменности. Мальчик бурно запротестовал:

— Да ты знаешь ли, дядя, что это спокойная равнина! Там целину освоили.

— Правильно! — отвечаю. — Но ведь это же карта глубинного строения...

— Как же опустились в глубь земли горы? — спросил Витя.

— А ты знаешь, почему археологи ищут древние черепки и кости под землёй? Кто их зарыл? Вот слушай: это почва поднялась. Реки, дождевые потоки и ветры заносят следы давно минувшей жизни. Бывает, что «возраст» археологических находок — двадцать—тридцать тысяч лет. А если копнуть глубже, то там мы найдём следы ещё более древней жизни. Каменный уголь (остатки доисторических лесов) залегает на глубине двух-трёх километров. Слой осадочных пород в Прикаспийской низменности особенно велик — десять километров, — а под ним скрыт горный рельеф, сложенный из твёрдых кристаллических пород, проще говоря, гигантских скал. Это ты правильно сказал, что на поверхности нашей планеты таких величественных вершин и ущелий нет нигде.

— Как же составили карту царства Плутона? — спросил Витя.

— Этим занимаются тысячи специалистов. Одни бурят землю и добывают с разных глубин образцы минералов. По ним видно, где кончаются осадочные породы и где начинается складчатое основание. Но скважины бурить долго и дорого. Проще применять сейсмический способ. Этим занимаются отряды сейсморазведки. Они закладывают в землю заряды взрывчатого вещества, а неподалёку ставят чуткие приборы — сейсмографы, подобные тем, что применяются для регистрации землетрясений. И вот звучит команда, раздаётся взрыв — как бы маленькое искусственное земле-

трясение. В земле от него распространяются так называемые упругие волны. Они идут вглубь, наталкиваются там на твёрдое складчатое основание и, отражаясь, как от зеркала, достигают снова поверхности. Вот здесь-то их и регистрируют сейсмографы. Зная скорость распространения упругих волн в осадочных породах, можно вычислить, какова их толщина.

— Здорово! — сказал Витя.

— А есть ещё способ геомагнитный. Летит над степью самолёт, а на борту у него — «глаз», проникающий на десятки километров под землю. «Глаз» этот называется магнитометром. Это попросту чуткая магнитная стрелка. Был такой случай. Шёл над Северным Казахстаном небольшой самолёт, пилотируемый лётчиком М. Г. Сургутановым. И вот заметил пилот, что стрелка компаса вдруг «забарахлила» — отклонилась вниз, а потом опять стала правильно показывать курс. Что, думает, за чудеса. Развернул самолёт — и назад. И снова «забарахлила» стрелка. Смекнул лётчик, что в этом степном районе скрываются огромные запасы железных руд. Они-то и влияют на компас.

Но на стрелку оказывают влияние не только железные руды. Всякая горная порода обладает магнитными свойствами, ведь и вся наша планета — гигантский магнит.

Значит, нужно только сделать такой чуткий магнитометр, чтобы он реагировал не только на железные руды, но и на горные породы, из которых сложено складчатое основание Земли.

Такой прибор недавно разработали в Ленинграде, и он сразу прибавил «зрения» разведчикам недр.

НА ШТУРМ ЗЕМНЫХ ГЛУБИН

— Существующие карты глубинного строения, — продолжал я, — ещё не дают нам представления о составе горных пород в царстве Плутона. А знать это тоже необходимо, хотя бы для того, чтобы успешнее и скорее искать залежи по-

лезных ископаемых. Надо, значит, карты уточнять. А как? Путь один — сверхглубинные скважины километров этак на двенадцать — пятнадцать.

— Ого! — удивился Витя. — А что там можно добыть?

— Прежде всего знания. Например, как зарождается в глубине вещество? Ведь известно, что и химические и физические процессы при громадном давлении и высокой температуре протекают совсем иначе. Но как? Мы ещё не умеем искусственно создавать давление в сотни тысяч и миллионы атмосфер. Сверхглубинное бурение объяснит многое, ещё не понятое в природе Земли. Очень важно, например, добраться до мантии — загадочного вещества, из которого состоит три четверти массы нашей планеты...

Витя задумался и спросил:

— А далеко ли до этой самой мантии?

— Это смотря в какой точке Земли. Учёные долго думали, прежде чем окончательно решили, что первые пять сверхглубинных скважин, которые заложат в ближайшие годы, будут: прикаспийская, уральская, закавказская, карельская и курильская. Ведь, как показала сейсмическая разведка, толщина земной коры в гористых местностях достигает семидесяти километров, а на равнинах — тридцати — сорока.

— А на дне океана — ещё меньше, да? — воскликнул Витя.

— Верно! Там местами до мантии всего каких-нибудь пять-шесть километров. Но как добраться до океанского дна?

Мы оба задумались. Проходка сверхглубинных скважин очень трудна. До сих пор ещё никто никогда не пробурил более семи километров. Ниже начинается зона очень мощного давления и высокой температуры. Нужны особенно прочные, жаростойкие сплавы. А как предохранить такую длинную буровую колонну от искривления, от поломок? Словом, трудностей не

счесть. А на океанском дне можно было бы обойтись существующим буровым оборудованием! Американцы попробовали бурить с кораблей — тоже мудрено: как их удерживать в море на одном месте? Выходит, что земные недра изучать пока труднее, чем космос.

На столе перед нами лежал большой арбуз. Он мне всегда напоминает глобус.

— Если бы маленький комарик задумал напиться арбузного сока, — сказал я Вите, — то проник бы своим хоботком-иголочкой лишь в самый верхний слой зелёной оболочки. Вот так же и сверхглубинная

буровая пока затронет только верхний слой земной коры. Ведь радиус нашей планеты — шесть тысяч километров!

— О-о! — протянул Витя.

— Вот какие ещё не изведанные тайны глубин ждут молодое поколение, — продолжал я. — Может быть, оно пошлёт к центру Земли атомную ракету или всепроникающие частицы атомного распада. Одно пока можно сказать с уверенностью: когда-нибудь человек подчинит себе и неиссякаемый жар подземных глубин и ещё неведомые сокровища недр.

Теперь уж, наверное, это будет скоро.

Б. Хотимский

Каменные бочки, бутылки из воды и цистерны из соли

Представь себе такую картину. Сумрачный осенний день. С моря из густого тумана донёсся басовитый гудок. Смолк. Повторился ближе. Потом послышался гул мощной корабельной машины. И наконец в маленькую глухую северную бухту, окружённую отвесными скалами, вошёл большущий корабль. За его кормой вспенился бурун, и корабль остановился совсем рядом с берегом. Ни причала, ни мола нет поблизости. И вообще ни одного человека нет, да и не может быть среди неприступных обрывов...

Что же здесь нужно кораблю? Загрелась якорная цепь. Засуетились на палубе люди. Открыли в скале железные люки, присоединили к ним трубы. Включили моторы. Через некоторое время стало видно, что корабль начал расти над водой.

Что случилось? Надо подумать. Всмотреться в корабль. А, понятно! Это танкер — корабль, который перевозит в своих баках нефть, бензин, керосин. Он вошёл в бухту нагруженный. Теперь, когда заработали насосы, бензин стал уходить по трубам, корабль стал легче и поднялся из воды.

Но почему он выкачивает бензин куда-то в глубь скалы? Ведь нефть добывают из-под земли, зачем же загонять её обратно?

Оказывается, хранить под землёй всякие горючие вещества очень удобно, будь это даже газ. Да, да, именно тот газ, на котором мы поджариваем яичницу и варим не очень любимые суп и кашу.

С хранением бензина, газа на земле хватает хлопот. Тебе, наверное, доводилось видеть где-нибудь большие, окрашенные серебристой краской баки. Обычно они стоят

за городом, выстроившись в несколько рядов. Стоят подальше от домов, потому что случись несчастье — пожар, — и они взорвутся. Несдобровать тому, кто по соседству окажется. Это одно неудобство. А вот другое. Какими бы непроницаемыми ни делали крышки у этих баков, бензин всё равно находит дырочки и испаряется. Особенно в жару. Причём улетучивается самая ценная лёгкая часть.

А сколько металла нужно на изготовление таких баков!

Люди долго ломали голову над задачей: как лучше, дольше и безопаснее хранить горючее? А задачу эту нужно решать скорее, — ведь нефти и газа с каждым годом добывается всё больше. И всё больше расходуется. В городе газовые плиты на каждой кухне. Всё меньше становится заводских труб, из которых вылетают целые облака дыма. Заводы один за другим переходят с угля на бездымное горючее — газ.

Но расходуется газ неравномерно. Летом его тратят в пять, а то и в десять раз меньше, чем зимой. Это понятно: в жару мы чаще пьём холодную газированную воду, чем горячий чай. Поэтому, чтобы зимой мы не испытывали нужды в газе, нужно строить большие хранилища. Но как это сделать лучше?

Думали люди и додумались. Нефть и газ образовались под землёй и находятся там миллионы лет. Из-под земли они редко когда сами выходят на поверхность. Чтобы добраться до них, нужно бурить скважины — глубокие дыры в земле. В подземных залежах нефть не портится. Иногда такую нефть извлекают, что хоть в автомобиль заливай — чистая, как бензин.

А что если попробовать сделать искусственные залежи? Стали изучать горные породы, которые слагают верхнюю часть земли. Где лучше сохранится нефть? Конечно, в сплошном, непроницаемом камне. А как сделать в нём камеры, куда закачивать нефть?

Одни предложили пробивать в скале шахты, такие, как, скажем, наше метро. Другие посоветовали пробурить скважины, опустить на их дно динамит и взорвать его, — мол, так получится подземная камера. Попробовали и так и этак. Получилось. Загнали в камеры бензин, закрыли толстыми бетонными пробками — не испаряется. Подождали. Снова с помощью приборов проверили — не улетучивается. Обрадовались строители. Пожар не страшен — ведь никто под землёй не бросит горящую папиросу, даже случайно. Молния в грозу тоже не страшна. А если подземные камеры сделать немного поглубже, то и любая бомба тоже не страшна.

Не улетучивается бензин, пожар ему не страшен да и металла на строительство совсем мало пошло. Всё хорошо. Но не везде, где большая потребность в газе и бензине, есть такие крепкие горные породы.

Гораздо чаще попадаются породы рыхлые и испещрённые трещинами, а если и встретится крепкий слой, то слишком тонкий. В нём не сделаешь подземных камер. Зато в не очень крепких породах — песках или песчаниках бывают часто подземные воды. Они тебе знакомы. Их можно увидеть в аптеке, а то и просто в магазине. «Боржом», помогающий детям при простуженном горле, «Ессентуки», которые пьют старики от всяких болезней, — эти воды добыты из-под земли, из водоносных слоёв.

А нельзя ли из воды в этих слоях сделать бутылку? На первый взгляд смешно и нелепо — не для воды бутылку, а из воды. Но смешно только на первый взгляд. Ты знаешь, что нефть с водой не смешивается. Она всегда всплывает на поверхность. В этом нетрудно убедиться, поглядев на Неву или Фонтанку. Течёт река, а на поверхности плывут радужные пятна мазута.

Зная это, и попробовали через скважины закачать в подземный водоносный слой нефть. Некуда деться воде — сверху и снизу проч-

ные водоупорные слои из глины, — пришлось сжаться и впустить непрошеную гостью. Подождали люди и стали откачивать нефть до тех пор, пока следом за ней вода не пошла. Измерили, сколько закачали нефти и сколько обратно извлекли. Оказалось, одинаково. Значит, годится «водяная бутылка».

Есть у нас в стране и такие места, где под землёй лежат огромные слои каменной соли. Нельзя ли и в них сделать подземные погреба?

Подумай немножко. Даже тебе будет нетрудно догадаться, если ты вспомнишь, что соль растворяется в воде.

Нужно ли строить шахты? Нет. А может быть, как в твёрдой скале, пробурить скважины и взорвать на их дне динамит? Нет, наверно, не стоит тратить взрывчатку. Как же делают камеры в слое каменной соли?

Бурят скважину. Когда она достигнет глубины, нужного слоя соли, в скважине закрепляют длинную трубу, доходящую до самого дна (буровики называют это по-своему — скважину обсаживают). Внутри этой трубы вставляют другую, такую же длинную, но поуже, чтобы она не прилегала плотно к широкой трубе. Через узкую трубу закачивают пресную воду, которая растворяет соль и, поднявшись

по широкой трубе, вытекает на землю уже солёной.

Так сразу делается два полезных дела: под землёй образуется погреб для нефти или газа, а на землю доставляется солёный раствор. Если нужна соль, то стоит только выпарить из раствора воду.

Есть и другие подземные погреба, в других породах. Обо всём не расскажешь. Но мы совсем забыли о глухой морской бухте и о корабле-танкере. Пока мы с тобой «строили» шахты, делали «водяную бутылку» и растворяли соль, танкер поднял якорь и ушёл в холодное море. Для кого же он заполнил подземные камеры бензином?

Там, на суше, на неприступном с моря берегу находится полярный аэродром. Зимой застывает море. Сквозь льды не пробиться кораблям, а самолёты должны летать круглый год. На земле дороги к аэродрому крутые. Да ещё метели, заносы. Трудно по ним подвозить горючее. Зато на аэродроме трубы уходят прямо в бензиновый погреб. А танкер оставил столько бензина, что его хватит самолётам на всю долгую зиму.

Далеко в море ушёл корабль. Но быстрый самолёт догнал его и, пролетая над ним, качнул крыльями: «Спасибо, танкер! Теперь перезимуем...»

Вначале, когда девочки ходили к клетке, птенец забивался в угол, крутил головой, устрашающе раскрывал клюв, серые бусинки глаз враждебно поблескивали. Нет, пожалуй, он не боялся. Он просто готов был защищать свою жизнь, защищать до конца!..

Но вскоре галчонок понял, что обижать его никто не собирается, и перестал забиваться в угол. Даже не клевался, если протягивали руку. Среди всех он стал выделять Веру. Услышав её голос, начинал беспокойно перескакивать, а увидев, издавал странный звук, довольно мало похожий на птичий щебет и, по правде говоря, совсем не мелодичный. Девочки называли птенца Галей.

Настал день, когда решено было вернуть окрепшей Гале свободу. Сломанное крыло зажило.

Клетку вынесли в сад, поставили на стол. Катя открыла дверцу.

Галчонок огляделся. Быстро, легко перепрыгнул на стол. Девочки замерли. Сейчас, вот сейчас взмахнёт крыльями и — прощай, Галя!

Но птица и не думала улетать. Не спеша прохаживалась по столу, поклёвывая какие-то крошки. Больное крыло она держала слегка приподнятым. Очутившись у края стола, напротив Веры, на момент остановилась. Потом вдруг не то соскочила, не то неуклюже перепорхнула к девочке на колени. Вера сидела не шевелясь. А Галя поклевала ей ноготь на большом пальце, затем пуговицу на кушаке. Потом, всё так же неуклюже, перепорхнула обратно на стол, поскакала к клетке, забралась в угол и закрыла глаза.

Девочки ликовали:

— Она решила остаться! Остаться!

Галка и правда никуда не улетела. Ни в тот день, ни позже. Что было причиной этого сказать трудно. Может быть, понимала, что всё же она инвалид? Летала Галя как-то боком, трудно и неуклюже, словно прихрамывала в полёте.

Галка была на редкость прожорлива. Она прекрасно знала время обеда и всегда оказывалась тут как тут. С важным видом расхаживала по столу. Если бабушка пыталась её прогнать, распускала крылья, приседала на хвост и, закинув голову, открывала клюв. С девочками же и вовсе не считалась. Высмотрев у них в тарелках кусочки мяса, без всякого стеснения выхватывала его клювом из-под самой вилки.

Стала она совсем ручной, хорошо знала своё имя. Зале-

тая через открытые окна в комнаты, часто разгуливала там по столу, по комоду, оставляя на скатерти следы своих лап. Однажды Вера застала её на комодe перед зеркалом. Слегка наклонившись вперёд, птица сбоку недоверчиво рассматривала своё отражение. Внезапно она подпрыгнула и с силой ткнула клювом в зеркало. Озадаченно присев на хвост, распустила крылья.

Летние дни подходили к концу. Галка по-прежнему крутилась возле дома, исчезая очень ненадолго. Она заметно потемнела и почти ничем уже не отличалась от своих взрослых сородичей.

Следующей весной прилетели ласточки. Из лета в лето лепили они свои тёмные гнёзда под крышей дома. Этой весной прилетели почему-то только две пары. Однако вскоре Вера заметила ещё двух каких-то птичек, похожих на трясогузок. Они упорно кружились у крыши. Неужели решили занять ласточкино место?

Вера поделилась своими наблюдениями с Катей. Та сразу же предложила притащить лестницу, чтобы слазить и убедиться.

— Нет, — сказала бабушка. — Напугаете, и они бросят гнездо. А там, может быть, уже яйца...

Однажды, возвращаясь из магазина, бабушка увидела обеих птиц, в тревоге летающих над верандой. Вера с Катей волокли лестницу.

— Девочки, вы что? — закричала бабушка. — Ведь сказано вам...

С трудом подтащили они втроем лестницу к веранде. Девочки хотели забраться и посмотреть, что могло напугать трясогузок? Почему они боятся вернуться в гнездо?

— И давно этот птичий переполох? — спросила, переводя дыхание, бабушка.

— Почти как ты ушла, — сказала Катя.

Наконец лестницу удалось установить. Трясогузки по-прежнему метались. Они то повисали в воздухе на одном месте, напротив гнезда, то описывали круги, как бы пытаясь набраться мужества, чтобы с разгона броситься на врага. Но мужества не хватало. Другие птицы тоже были встревожены. Над крышей вились ласточки. Воробьи, что-то громко выкрикивая, беспокойно перелетали с места на место. Первой полезла Катя.

— Ну? Ну? Кто там? — нетерпеливо спрашивали Вера и бабушка.

Катя молчала. Одной рукой держась за верхнюю перекладину и слегка отклонившись, она пыталась дотянуться до зарослей сухого плюща, скрывавшего гнездо. Внезапно, напугав всех, оттуда с шумом вылетела какая-то большая, чёрная птица.

— Галя! — ахнула Вера.

Девочки боялись, что трясогузки бросят из-за галки гнездо.

Но ведь тогда лежащие там шесть сероватых с рябинками яиц остынут, а зародившаяся в них жизнь пропадёт...

Трясогузки гнезда не бросили. Какое-то время всё было спокойно. Однажды рано утром бабушка готовила завтрак. Девочки играли в саду. Вдруг дверь на кухню широко распахнулась.

— Бабушка, птицы опять! Наверно, Галя... — затараторила Вера.

Над верандой снова метались трясогузки.

— Галя! Галя! Галя! — пробывали звать девочки на разные голоса.

Галка не показывалась. Трясогузки продолжали встревоженно кружиться около гнезда.

— Надо лестницу, — сказала Вера.

— Нет, нет, подождите, — запротестовала бабушка.

Ей не хотелось опять тащить сюда эту тяжёлую лестницу. На глаза попался багор, висевший на стене рядом с по-

жарным ведром и лопатой. «Пожалуй, достанет», — решила она и взяла багор, слегка пошевелила заросли плюща около гнезда, и сразу же оттуда стремительно выпорхнула галка.

С этого дня багром приходилось пользоваться частенько. Что-то неодолимо и властно влекло Галю к гнезду. Вначале, как только удавалось подвести конец багра к крыше и слегка пошевелить плющ, галка мгновенно вылетала. Однако со временем выгнать её становилось всё труднее и труднее. Но ведь если она и правда охотится за яйцами, ей не раз уже предоставлялась возможность ими полакомиться. В чём же дело?

— Бабушка, она опять там, — жаловались девочки.

Трижды за день отгоняла бабушка от гнезда трясогузок эту вредную, надоедливую птицу. Однако на этот раз все потряхивания плюща и постукивания по стене ни к чему не привели — галка не вылетала.

— Никого там нет, — сердито сказала бабушка. — Не выдумывайте. Садитесь лучше обедать.

Надущаяся Катя нехотя ковыряла макароны, перемешанные с мясными консервами. Вера тоже угрюмо молчала. Настроение было испорчено.

— Бабушка, — Вера внезапно положила вилку. — Посмотри-ка! Скорей!..

Одна из трясогузок, осмелев, вдруг быстро юркнула под крышу к гнезду. В то же

мгновение из зарослей плюща, немного левее, с шумом вылетела галка... и, как ни в чём не бывало, уселась на стол.

— Вот видишь, — укоризненно сказала Катя.

А галка походила немножко по столу, клюнула пару раз кастрюлю и остановилась перед Вериной тарелкой. Наклонив голову, стала, как всегда, высматривать, что вкуснее. Бабушка сердито замахнулась, но птица ужехватила кусочек мяса и отпрыгнула на другой конец стола. Вера весело погрозила пальцем, Катя расхохоталась. Через минуту Вера пододвинула галке свою опустевшую тарелку с прилипшими на дне волоконцами мяса. Галка посмотрела на Веру, потом на тарелку, потом опять на Веру. Казалось, она была в раздумье.

— Чего она? — удивилась Катя.

Неожиданно галка схватила одно волоконец — «червячка», взмахнула крыльями и исчезла под крышей в плюще. А оттуда сразу же вылетела трясогузка.

— Что за ерунда, — удивилась бабушка. — А ну, девочки, идите за лестницей!

Девочек уговаривать не пришлось. Наконец совместными усилиями им удалось приставить лестницу к веранде.

— Лезь ты, Вера, — сказала бабушка. — Только осторожно. И рассказывай.

— Ой, какие хорошенькие, ой, какие смешные! — закри-

чала Вера, взобравшись наверх.

Вокруг девочек, охваченные паникой, стремительно летали, тревожно крича, трясогузки. Рядом с гнездом, прижавшись к стене, важно сидела галка. Шесть маленьких, жадно раскрытых клювов были требовательно обращены в её сторону.

— Слезайте! Слезайте сейчас же! — кричала бабушка. Она поняла — девочек трясогузки боятся куда больше, чем Гали.

Прошло ещё несколько дней, и трясогузки окончательно смирились с присутствием галки. А та всё время торчала у гнезда. Она по-прежнему прилетала на зов, но теперь всё, что давали ей ребята, утаскивала птенцам.

Прошлом лето девочки ловили насекомых для больной галки, нынче с ещё большим рвением принялись ловить для трясогузок. Только кормили птенцов не сами, а через няньку, няню-Галю.

Когда птенцы выросли и гнездо опустело, обнаружилось, что вместе с трясогузками исчезла и Галя. Вернулась она только дней через десять. И как будто птицу подменили. Характер у неё стал злой, не-

доверчивый. Когда обрадованная Вера протянула было руку её погладить, галка неожиданно, распушив крылья, подпрыгнула и несколько раз больно ткнула её клювом. Но Вера не обиделась, она чувствовала, что галка скучает без своих питомцев и не может найти себе места. Осенью Галя прилетала ещё раза два, но близко уже никого к себе не подпускала.

Самостоятельный день

— Андрюша, у тебя сегодня самостоятельный день, — сказала мама.

— А что такое — самостоятельный? — спросил Андрюшка.

— Это значит, что ты всё будешь делать сам.

«Ничего себе, — подумал Андрюшка, — и шнурки бантиком тоже сам и лифчик сзади застёгивать тоже сам?»

Он натянул чулки и спросил:

— Мам, а может, завтра этот день, а?

— Нет, сегодня, начнём с того, что ты пойдёшь в парикмахерскую.

— Сам?!

— Конечно сам, я буду идти сзади, но меня как будто нет. Согласен?

— Ну, давай, — кивнул головой Андрюшка, дожёвывая булку.

На улице всё было хорошо, Андрюшка шёл впереди, мама сзади.

В парикмахерской стало труднее. Андрюшка сел в кресло и сказал:

— Меня вот сюда одеколоном, — и показал на голову.

— И всё? — удивился парикмахер.

— Нет, вы его ещё подстригите, — выглянула из-за двери мама.

— Ага, подстригите, — согласился Андрюшка, — толь-

ко сначала одеколоном вот сюда.

— Нет, — сказал парикмахер, — так нельзя. Сначала нужно стричься, а потом одеколоном.

— А у меня самостоятельный день, — обиделся Андрюшка. — Хочу сначала одеколоном.

— У меня тоже самостоятельный день, — сказал парикмахер, — что же нам делать?

— Тогда я не буду, — рассердился Андрюшка и стал вылезать из кресла.

— Что ты делаешь? — возмутилась мама. — Сейчас же садись обратно! — Голос у мамы был сердитый.

Андрюшка залез.

Когда они вышли из парикмахерской, он спросил маму:

— А почему ты мешала мне делать всё самому? У меня же самостоятельный день?

Мама ничего не сказала. Тогда Андрюшка потребовал:

— Дай мне копеек, я пойду в кино. Сам пойду, а тебя как будто нету.

— Так нельзя, — сказала мама, взяла Андрюшку за руку и повела домой.

«Ну и самостоятельный день, — подумал Андрюшка, — только шнурки сам завязывай, а как в кино, так сразу и нельзя».

— Знаешь что, — сказал
он маме, — пусть завтра у
тебя будет самостоятельный
день, а меня как будто нету?

Но мама не согласилась.

И Андрюшке теперь само-

му приходится завязывать
шнурки бантиком и застёги-
вать лифчик.

Думаете легко?

А что делать — теперь все
дни самостоятельные.

В. Лейкин

Рисунки В. Меньшикова

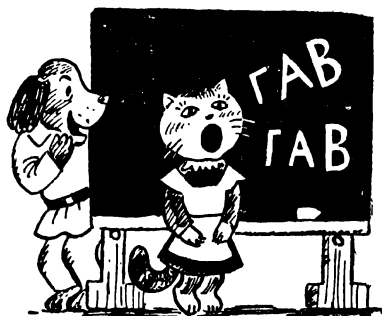
ШКОЛЬНЫЕ СМЕШИНКИ

Не выучила Мурка падежи
И Жучке подмигнула:

«Подскажи».

Все в классе удивились: ну,
дела!

Вдруг Мурка звонко лаять
начала.

Вручили Мышке книжки
в руки:

— Иди, грызи гранит науки!

Вернулась Мышь и говорит:

— Во-первых, книжки не
гранит,

А во-вторых, я все их съела.

Ну как? Заметно поумнела?

Отвечал урок Сурок,
Рассказал он всё, что мог.

— Два?! За что? — Сурок
вздыхнул,

Пошёл на место в панике...

(Он на истории заснул, —

Проснулся на ботанике!)

СОЛНЦЕ НА ГРЯДКАХ

ВЕСНОЙ, когда на улицах Красного Села сбегают последние ручейки, в сад Областной станции юных натуралистов приходит солнце.

Где-то по соседству в домах просыпаются красносельские девчонки и мальчишки. Просыпается и Наташа Афанасьева. Она вскакивает с кровати, распахивает окно и жмурится ярким утренним лучам.

— Мам, солнца-то сколько! — весело объявляет она и торопливо начинает одеваться.

Наташе одиннадцать лет. Она окончила четвёртый класс. Но среди юннатов она уже — ветеран. Первый раз Наташа появилась на станции три года назад — первоклассницей, вот так же, как этот маленький Санька, что на снимке «Видит око, да зуб неймёт» (фото № 1), остановилась у яблоньки и залюбовалась краснощёкими плодами. А их, чем выше ветки, тем больше. Что ни яблоко — то само солнышко.

— Ешь, ешь, — угощали юннаты. — Они сладкие, сочные. Сами вырастили.

Ела Наташа, пробовала, и захотелось ей самой выращивать такие яблоки, такую чудо-малину (фото № 7) и хитроумный лун, у которого луковицы растут не только в земле, а даже и над землёй в два-три этажа (фото № 4). И на следующий день явилась сюда учиться.

Дали тогда Наташе грядку моркови: смотри для начала, как растёт. Пришла осень, выкопали Наташину морковку — крупнее, лучше ни у кого нет! И поехала девочка со своим урожаем в Ленинград на выставку. Остановились люди, смотрят, удивляются.

— Кто такую морковь вырастил?

— Это мы, — говорит Наташа, — вместе с солнышком вырастили!

И упомянула она про солнце неспроста. Подружилась девочка в первый год с юннатами. Всюду заглянула, всех расспросила.

— Вы что делаете?

— Мы, — говорят Таня и Люся Волковы, — вместе с солнышком пшеницу выращиваем (фото № 5).

— А я, — говорит Рая Сабитова, — солнце в листьях вики определяю (фото № 3 и 6).

— Как так? — не поняла девочка.

— А очень просто, — сказала Рая. — В каждом листке есть своя фабрика хлорофилла. Греется листок на солнышке — работает фабрика, растёт, дышит растение. Спрячь листок от солнца — остановится фабрика, захиреет листок, станет бледным, как росток у картофеля в тёмном подвале. Вот и выходит, что растениям солнце нужно. Это ещё учёный Тимирязев заметил и людям наказал, что «за растрату лучей солнца просвещённые потомки осудят невежественных родителей».

А как сделать, чтобы ни один луч солнца мимо листьев на землю не падал, чтобы все листочки солнце видели? Редко посеешь — лучи проскользнут; густо — не всем солнце достанется. Вот и высчитывает Рая, сравнивает, сколько какого сорта вики нужно посеять на гектар, чтобы ни один луч солнца зря не растратился. Рая то на поле с подругами и учёным, то в лаборатории целыми днями наблюдает, исследует. А теперь и Наташа за такую работу взялась. И если Рая стала «профессором» по вике, то Наташа вам всё подробнейшим образом может рассказать о бобах. Каждый день её можно встретить на участке с линейкой и тетрадкой (фото № 2).

У каждого юнната свои интересы, свои дела. Саньке Шмидту — девять лет, перешёл в третий. Всё время крутится он на пасеке около Лёши Лопатина, Саши Чуйкина и Лёни Волкова (фото № 8). Сколько раз, бывало, «угощали» его пчёлы. Разнесёт щёку, глаз закроет. Руководитель Леонид Павлович думает — всё, не придёт Санька на пасеку. А на следующий день Санька тут как тут. Снова около пчёл. Кривится распухшими губами и острит: «Ничего, переживём». Хочется ему стать пасечником, занять свой улей, собрать мёда и в сентябре на празднике урожая, когда все юннаты собираются за большим столом, вместе со всеми дарами поставить на стол сотового мёда и по-хозяйски гостеприимно сказать:

— Ешьте, угощайтесь, товарищи!

А. ЦВЕТОВ
Фото Г. Сафонова

ПЕСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

В 1915 году недалеко от берегов Ирландии немецкой подводной лодкой был потоплен крупный английский корабль «Лузитания». В течение следующих 25 лет «Лузитанию» неоднократно пытались поднять, но всё тщетно. Дело в том, что работу на глубине больше 100 метров люди в мягких водолазных скафандрах выполнить не могли, а жёсткие скафандры пригодны только для наблюдений. Так и ле-

МЕД И «ЛУЗИТАНИЯ»
жала бы «Лузитания» на дне, если бы не... пчелиный мёд.

Ещё в древности заметили, что употребление мёда вызывает у человека большой прилив сил, делает его вы-

носливее. Это свойство мёда и решили использовать.

Команде наиболее сильных и закалённых водолазов установили специальный режим: полгода, ежедневно увеличивая дозу, их кормили мёдом. В последний месяц каждый из них получал ежедневно 700 граммов, а всего за полгода они съели по шести пудов — по целой бочке мёда каждый.

Пройдя такую подготовку, водолазы смогли в мягких скафандрах проводить все работы для подъёма судна.

РАЗГАДКА ВЕКОВОЙ ТАЙНЫ

Кому принадлежит проект первого кругосветного плавания русских моряков? Этот вопрос в течение полутора веков занимал умы учёных. Недавно в фондах Центрального государственного архива Военно-Морского Флота обнаружена рукопись первого варианта проекта кругосветного плавания русских моряков. Этот проект разработал в 1799 году И. Ф. Крузенштерн, впоследствии знаменитый мореплаватель. Проект написан на французском языке в тетради, насчитывающей 26 страниц.

ЕДИНОБОРСТВО СО ЛЬВОМ

Редкая встреча произошла у сомалийского пастуха Муктара Абдаллы. Он встретился со... львом. Хищник появился неожиданно, когда пастух готовился к ночлегу. Не растерявшись, сомалиец выхватил кинжал и вступил в схватку со страшным зверем. Несколько точных ударов, и тело льва — у ног мужественного пастуха. Покрытому ранами Муктару была оказана срочная медицинская помощь.

ЗА ТРИСТА ЛЕТ...

Ленинградский учёный Каттерфельд составил первый каталог научной литературы по проблемам планетологии. Оказалось, что за триста лет вышло более семисот исследований, посвящённых строению и развитию планет. Любопытно, что две трети этих работ появились за последние десятилетия.

Нога человека ещё ни разу не ступала на другие планеты, однако уже существуют и развиваются такие научные дисциплины, как «геология» Луны — селенология, «геология» Марса — ареология, «геология» Меркурия — гермесология.

...глаза никогда не мёрзнут? Это потому, что они не имеют нервных окончаний, чувствительных к холоду. В кончиках пальцев рук, ног, кончики носа таких «точек холода» очень много, поэтому эти места прежде всего чувствуют холод.

★
...некоторые растения имеют температуру на несколько градусов выше температуры воздуха? Снежный колокольчик, сольданелла, например, выделяет столько тепла, что растапливает снег и самостоятельно прокладывает путь к свету.

★
...во Франции есть река, которая называется Аа и озеро Оо?

★
...на Украине близ села Нижнее Кривче в гипсовых породах обнаружена самая длинная в мире пещера — 19 километров? В ней будет создан подземный музей-заповедник.

★
...первый в мире подводный кинотеатр открылся в штате Флорида на дне озера Уики-Уочи на глубине 5 метров? Зрители спускаются на лифте и в перерывах между номерами программы наблюдают за рыбами через стеклянные стены фойе.

Знаешь ли ты, что?

★
...молнии приносят и пользу? В своём полёте они успевают захватить из воздуха миллионы тонн азота и направить его в Землю. Это бесплатное удобрение обогащает почву. Учёные думают над тем, как заставить молнию в полную силу работать на человека.

★
...наша страна — родина колосовых? Недавно археологи установили, что в Азербайджане местные жители занимались выращиванием пшеницы задолго до нашего летосчисления.

★
...за период с 1958 по 1964 год в США зарегистрировано около 2100 столкновений самолётов с буреви́стниками? Эти птицы, размах крыльев у которых достигает трёх метров, представляют серьёзную опасность для воздушных сообщений.

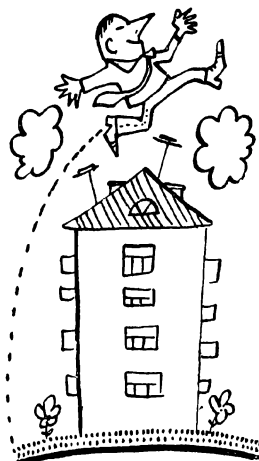
★
...Солнце ежесекундно «худеет» на 4 миллиона тонн? Но это «похудение» Солнца означает не больше, чем потеря веса взрослым человеком нескольких десятков граммов за год.

★
...в земной атмосфере на высоте более ста километров ежегодно сгорает около

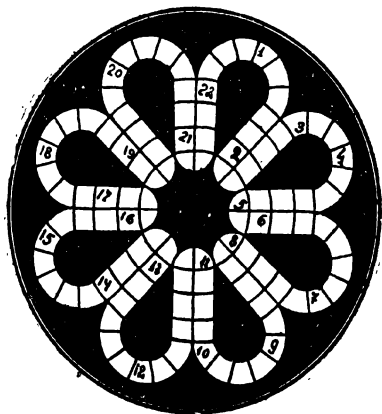
тридцати тысяч тонн космической пыли и метеоритов? Лишь около одной десятой этой массы попадает на поверхность Земли.

★
...климат нашей планеты теплеет? Изменение климата началось около сорока лет назад. В Баренцевом море, у берегов Гренландии и в северной части Тихого океана были обнаружены породы теплолюбивых рыб, никогда сюда ранее не заходивших. На территории Европы и Азии, к северу от лесотундры, появилось не менее сорока южных видов птиц и млекопитающих. Количество льда в арктических морях уменьшилось. Очень большое потепление наблюдается из года в год в Западной Сибири. В период 1945—1954 годов температура там была на 6—7 градусов выше, чем в 80—90-е годы XIX века.

★
...высота прыжка кузнечика в десять, а длина — в двенадцать раз больше его собственного роста? Если приложить эти соотношения к человеку, то он свободно перепрыгнул бы через четырёхэтажный дом и в три прыжка преодолел бы длину футбольного поля.

(Составил Серёжа ЧИРИЦО, 256-я школа)

1. Запаянный стеклянный сосуд для хранения лекарства. 2. Европейское государство. 3. Судно. 4. Воздушные силы. 5. Остров в Малайском архипелаге. 6. Площадка для взлёта и посадки самолётов. 7. Воинское звание. 8. Лечебное учреждение. 9. Река на Кавказе. 10. Группа учащихся. 11. Плотничий инструмент.

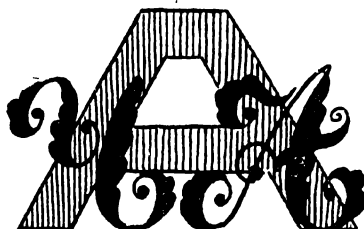
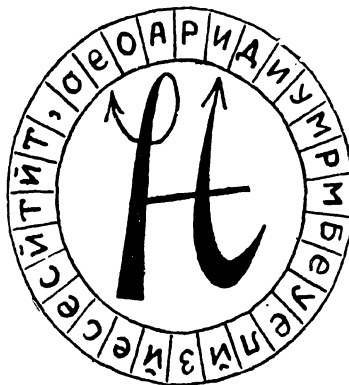
мент. 12. Высшее военно-морское звание. 13. Человек, склонный подлаживаться. 14. Строительный материал. 15. Растение, содержащее в себе яд. 16. Тканое изделие. 17. Школьная сумка. 18. Очень важная часть растения. 19. Вещество, из которого состоят оболочки растительных клеток. 20. Сосуд для содержания рыб, водных животных и растений. 21. Ископаемое млекопитающее. 22. Хвойный лес северных широт.

Если правильно впишете все слова, то в клетках центрального круга прочтёте знаменитый лозунг.

(Составила Ира КОРНИЛОВА,
388-я школа)

Здесь зашифрована пословица. Начинать читать надо с буквы, стоящей в центре круга, а дальше — по кругу, в какой-то определённой, постоянной для всей задачи последовательности.

Буква «Н» поможет вам определить эту последовательность.

Какие два слова зашифрованы здесь, в этих маленьких ребусах?

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ..

(АРИФМОГРАММА)

Отгадав значения двадцати слов, определения которых приведены ниже, расставьте их буквы по клеткам фигуры, соответственно номерам. Если всё будет сделано правильно, то по спирали вы прочтёте замечательные слова А. П. Чехова.

1. Полоска невозделанной земли, ограничивающая обработанные поля. — 19, 38, 11, 79. 2. Старинная русская мера длины. — 8, 4, 11, 68, 5, 82. 3. Сила, могущество. — 37, 15, 17, 73, 27, 63, 13, 56. Певчая птица. — 72, 6, 29. 5. Дерево. — 83, 54, 2, 30, 14. 6. Сторона горизонта. — 57, 24. 7. Столярный инструмент. — 26, 31, 64, 65, 44, 76. 8. Растение. — 21, 74, 16. 9. Хитрая задача. — 35, 36,

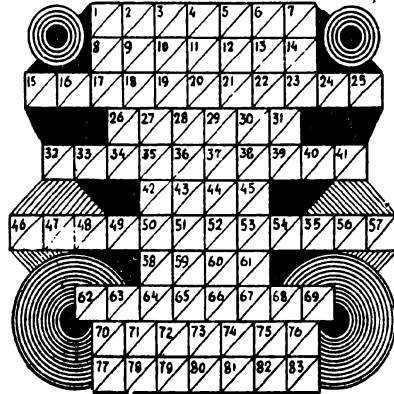
ЗАДАЧА

(Составил Серёжа ШОЛУПОВ,
8-я школа)

Разгадав девять слов, определения которых приводятся ниже, напишите их «столбиком» — одно под другим...

Если всё будет сделано правильно, то из первых букв всех слов (читая сверху вниз) сложится фамилия великого русского писателя, а из последних — название его произведения.

1. Норвежский композитор.
2. Форма музыкального произведения.
3. Персонаж из древнегреческой мифологии — юноша, поднявшийся в воздух на крыльях из перьев, скреплённых воском.
4. Сорт пирожного.
5. Столица скандинавского государства.
6. Пушной зверь.
7. Наполеоновский маршал.
8. Сумчатое американское животное.
9. Марка советской автомашины.

42. 10, 77. 10. Сибирская река. — 41, 51, 45. 11. Порода малорослых лошадей. — 34, 47, 39. 12. Установка для водных процедур. — 58, 25, 60. 13. Река в Африке. — 32, 61, 3. 14. Сплав железа с углеродом. — 78, 59, 75, 62, 40. 15. Старинная русская монета. — 23, 22, 81, 43, 52. 16. Заглавие, название книги. — 48, 67, 55, 20, 9. 17. Опахало — 66, 7, 18, 49. 18. Мягкий белый известняк. — 69, 33, 70. 19. Безлесная равнина. — 46, 53, 28, 50. 20. Нота. — 80, 71.

Проверь себя

(Ответы к «Искорне» № 8)

«ПЛЕТЁНКА»

По горизонтали. 1. Мичурин. 2. Москвин. 3. Захаров. 4. Сеченов. 5. Суворов. 6. Шолохов. 7. Шаполин.

По вертикали. 1. Пирогов. 2. Папанин. 3. Нахимов. 4. Суриков. 5. Вучетич. 6. Обручев. 7. Фёдоров.

СКОЛЬКО УГЛОВ?

15. ПРИДЁТСЯ ПОСЧИТАТЬ
(38+72) — (87+23) = 0.

ПО ДВЕ БУКВЫ

«Трудно в ученье, легко в бою».

БОЛЬШЕ — МЕНЬШЕ

Нет худа без добра.

СОДЕРЖАНИЕ

Дверь в страну чудес	1
Медогон. Рассказ Н. Внукова	4
К вам обращается Горький. Статья В. Бахтина	12
Белый гриб. Стихотворение В. Шумилина	16
Дом без чёрного хода. Повесть К. Курбатова	17
Муки от скуки. Стихотворение К. Высоковского	30
Рассказ о страхе. Рассказ А. Федулова	31
Сом и Ерш. Эстонская сказка	35
Хранители красоты. Очерк Г. Петрова	36
Про жука-часовщика. Стихотворение Л. Кукулина	40
Комар на арбузе. Статья О. Карышева	46
Каменные бочки, бутылки из воды и цистерны из соли. Статья Б. Хотимского	49
Галка. Рассказ Л. Ильиной	52
Самостоятельный день. Рассказ Л. Гаврилова	57
Школьные смешинки. Стихи В. Лейкина	58
Солнце на грядках. Текст к фотоочерку А. Цветова	59
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского
«Вперёдсмотрящий».

На 3-й странице обложки фотоочерк Г. Сафонова «Солнце на
грядках».

На 4-й странице обложки рисунок художника В. Орлова «Лет-
ние привычки».

Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115
Телефон: А-2-87-55

Сдано в набор 20/VII 1965 г.	Подписано к печати 10/IX	4 печ. л.
М-31317 Заказ № 1116.	Формат бумаги 70 × 108 ¹ / ₁₆ .	Цена 10 коп. Тираж 75 000

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

СОЛНЦЕ НА ГРЯДКАХ

Текст
к фотоочерку
на 59-й стр.

ЛЕТНИЕ ПРИВЫЧКИ

